

Идрис Шах

Сто рассказов мудрости (Жизнь, учение и чудеса Джалаледдина Руми)

Жизнь, учение и чудеса Джалаледдина Руми
из произведения Афлаки «Мунакиб», а также
несколько важных историй из трудов Руми. Данное
собрание традиционно известно как
«Сто рассказов мудрости»

Перевод с фарси на английский и подача

Идриса Шаха

До сих пор неизвестная в России, эта книга в течение семисот лет использовалась в качестве инструмента для развития пронизательности и сверхчувственного восприятия в духовных школах по всему миру. В наше время она ничуть не потеряла своей волшебной силы, так как в ней собраны эпизоды из жизни Руми, святого и учителя, которые дают возможность обучения через действие. Кроме того, в особой последовательности здесь расположены истории, рассказанные самим Руми, и отрывки из его поэм. Все тексты подобраны таким образом, чтобы сознание читателя воспринимало их в непривычном нелинейном режиме. Перевод с персидского сделан суфийским мастером Идрисом Шахом.

Детство и юность Руми

Рассказывают, что, имея только пять лет от роду, Мевляна (наш господин) Джалаледдин вскакивал, бывало, и стоял у себя в кроватке в крайнем смятении – внезапно ему представало виденье; ему являлись персоны духовного сонма: Гавриил, Дева Мария, Авраам. Когда на него нападало то состояние, ученики его отца обычно его «унимали». Отец, святой Бахауддин Валад, дал ему прозвание «Тот, кого изваял Бог». Мевляна родился в Балхе (Афганистан) в 6-го раби-ал-аввал в 604 г. от года хиджры.* Шейх Бадруддин Накаш ал-Мавлави повествует: «Слышал я от султана Валада, что он видел запись в рукописаниях святого Бахауддина Валада, сделанную собственной его достославной рукой, содержащую рассказ, что когда Джалаледдину Руми только и было что шесть лет от роду, он однажды играл на плоской крыше своего дома с некоторыми из сверстников. В разгаре игры один из мальчиков, наверное, предложил прыгать с крыши на крышу. Передают, Мевляна сказал, что затеи, вроде этой, не более чем игры кошек и собак, так что стыдно им заниматься забавами ничтожными. "Давайте взлетим на небо и повстречаемся с ангелами!", – вскричал он. С этими словами он исчез на глазах у своих маленьких товарищей. Сбитые с толку мальчики подняли суматоху, отчего все и узнали об этом эпизоде. Через несколько минут он снова появился, бледный и чуть испуганный, и сказал: "Пока я с вами говорил, люди, одетые в зеленые плащи, сошли ко мне с неба, и подняли меня в воздух, и пролетели со мной по небесным кругам, и тут я услышал вашу суматоху и тревогу, которые вы подняли из-за моего полета, и эти создания вернули меня обратно к вам". Уже в столь раннем возрасте, подобно многим святым праведникам, он обычно ел только раз в три-четыре дня или раз в неделю». Другое предание повествует, что святой Бахауддин Валад, отец Мевляны, говорил, бывало, что сын его «высокого рода, сущий князь, поскольку его бабка Шумсул Аимма – дочь Шумсуддина Саракши, сеида (т.е. потомок Пророка Мухаммада), которую кровные узы родства связывают с Великим халифом Четвертым – Сиедной Али; а его мать была дочерью Хваразма Шаха, правителя Балха». Таким образом, как в физическом, так и в духовном смысле, он (Мевляна) имел высокородных предков.

Как сообщает другое повествование, Мевляна говорил, что с семилетнего возраста он часто произносил строки из Корана**, гласившие:

Всеми благами тебя одарили Мы,
К Господу обрати же молитвы свои
и жертву принеси.

Враг твой наверняка тот, кто лишен блага,

И обыкновенно отчаянно плакал, обращая свое созерцание на эти строки, «пока Господь не ниспослал Свой свет в мое сердце, и Голос не возгласил мне: "Во имя Нашего Величия, о Джалаледдин, отныне и впредь не подвергай себя чрезмерной тягости духовного напряжения, ибо для тебя дверь Сияния уже открыта". И таким образом я приношу несметную благодарность за то, что могу озарить светом познания тех, кто мне встречается».

Стих: Подобно струне духовной лиры стало все мое существо, с тех пор, как рука Мастера тронула главный фибр души, – огромные препятствия я одолел и тем сделал Путь легким для моих друзей.

Фигуры в зеленых плащах

Передают далее, что спустя два года после смерти отца Мевляна не замедлил перебраться в Сирию, чтобы завершить свое ученичество на духовном и материальном кругах знаний, и это было его первым путешествием в Алеппо, где он водворился в семинарии, известной под названием Халавия. Туда приходили к нему на поклон ученики его отца и пеклись обо всех его нуждах. В этом городе он оставался долго. Камалуддин Адим, бывший в то время главой города Алеппо, – муж благочестивый и знающий – стал последователем Мевляны и частенько к нему наведывался. Глава города имел особенную привязанность к Мевляне, потому что знал, что тот сын великого духовного светоча своего времени, и еще потому что Мевляна был достопримечателен в стяжании знания. Наставники Мевляны обычно уделяли отдельное внимание его урокам,

так что другие соученики весьма завидовали успехам Мевляны в постижении божественных книг. Как известно из другого повествования, глава школы часто жаловался правителю города Алеппо, что Мевляна нередко исчезал из своей комнаты в полночь. Градоправитель Камалуддин потерял покой из-за этих повторных известий о ночных исчезновениях Мевляны. И он твердо решил выяснить, что там было на самом деле. Однажды ночью, когда

пробило полночь, заметили, как Мевляна выходит из школы, и Камалуддин крадучись пошел вслед за ним. Когда они добрались до городских ворот, ворота сами отворились, и Мевляна, выйдя за пределы города, беспечно зашагал по направлению к мечети Авраама Халилура Рахмана. И вот Камалуддин увидел перед собой здание с белым куполом, полное странных человеческих фигур в зеленых плащах. Лицезреть сонм им подобных Камалуддину в жизни не доводилось. Он увидел, как эти странные нездешние люди творили земные поклоны Мевляне. Зрелище оказалось превыше его сил, и градоправитель пал без памяти и пролежал в бессознательном состоянии далеко за полдень этого дня. Когда он очнулся, то не обнаружил ни здания с куполом, ни собрания людей, бывших там ночью. В расстройстве ума скитался он по пустыне в течение всего дня, пока его не обволокла ночная тьма. В таком состоянии духа он оставался два дня и две ночи. Поскольку воины городской стражи не видели градоправителя целых два дня, они, конечно, встревожились о безопасности начальника. На его розыски пустился отряд, руководствуясь тем указанием, что несколькими днями раньше Камалуддин справлялся в школе насчет ночных хождений Мевляны и, вероятно, последовал за ним, когда тот направился к наружным городским воротам. Стремглав стражники полетели к воротам и рассеялись по пустыне за пределами города, и один из них за день искал всю пустыню в поисках Камалуддина. Случайно он заметил Мевляну, тоже бредущего окрестностями, а Мевляна, имея предубеждение того, что они ищут, велел им идти к мечети Халила.

После долгих розысков поисковый отряд нашел правителя в состоянии истощения, томимого жаждой и усталостью. Его напоили и накормили. Вернувшись к жизни, он спросил у своих людей, кто сообщил им, где он обретается; в ответ на это ему было сказано, что человеком, кто уведомил о месте его пребывания, был Мевляна. Камалуддин, ни слова не сказав своим воинам о том, что он пережил, сел верхом и отправился назад в Алеппо.

Под сильным впечатлением от увиденного градоправитель задал пир в честь Мевляны, на который явилось великое множество народу, и ненавистники Мевляны были посрамлены. Но видя, сколь огромное число людей к нему приходит, не имея притом желаний прослыть столь широко, Мевляна отправился на юг в город Дамаск. А поскольку Султан Азизуддин Руми Бадруддин Яхья, глава города Дамаска, уже писал Камалуддину, градоправителю Алеппо, приглашая Мевляну в свои пределы, то и принял его (Мевляну) с большими почестями. Камалуддин из Алеппо уведомил

также градоправителя Дамаска обо всем, что стало ему открыто о духовных достижениях Мевляны во время пребывания последнего в Алеппо.

Сеид Бурхануддин передает Руми сокровенное видение

Повествуют также, что шейх Салахуддин, да будет Бог им доволен, сказал, что довелось ему (шейху) один раз пребывать в присутствии святого Божественного сеида Бурхануддина, и умонастрой был на созерцание, когда святой, говоря о Мевляне Джалаледдине Руми и превознося его превосходство в сфере мистических знаний, сказал: «Когда я знавал дни превеликой славы, когда был ученым наперсником* султана, двадцать и более раз, взяв юного Мевляну к себе на плечи, в мистической обстановке «возвышения духа» я восходил на наивысшее небо, и таким образом он (Мевляна) взошел на столь неоспоримую ступень сокровенного проницания, и на сей счет он немало обязан мне». Когда этот рассказ дошел до Мевляны, он заметил: «Это было так, и воистину еще сто тысяч раз так. Моя благодарность этому роду несметна».

Монахи земель Сис

Передают также со слов шейха Синануддина Ак-Шахри Кулахдоза – а он человек значительных духовных достижений, – что когда Мевляна был на пути в Дамаск, и караван достиг земель Сис, путники раскинули шатры в местности, в которой обосновались некие эксцентричные монахи, упражнявшиеся в сверхъестественном искусстве магии, особенно же, посредством магических знаний и волхвований, предсказывавшие грядущее. Волшба их приносила хороший доход.

Едва завидев Мевляну, они, желая произвести на него впечатление, заставили одного юнца подняться в воздух и повиснуть, стоя меж небом и землей. При виде этого Мевляна склонил голову в созерцании. В тот же миг юнец закричал, чтоб его вызволяли из этого выпрненного положения, а не то он умрет со страху перед человеком, погруженным в богомыслие. Монахи криками велели ему спускаться. Он говорил: «Я не могу спуститься, я чувствую, как будто меня пригвоздили». Какое волшебство и чары ни пробовали монахи, чтобы свести юнца на землю, ничего не действовало. Так он вверху и висел. Поняв, что все их искусство сведено на нет, монахи припали челом к стопам Мевляны и, испрашивая прощения, преклонились с мольбой, чтобы он не покидал их на произвол судьбы. Мевляна ответил, что это невозможно, пока не провозглашена священная формула:

«Свидетельствую, что нет Бога кроме Бога, и свидетельствую, что Пророк Мухаммад – слуга его и посланник». Юнец произнес этот стих и в тот же миг спустился на землю. Видя эту манифестацию, монахи так же, как и юнец, стали молить Мевляну, чтобы тот разрешил им сопутствовать ему в странствиях; но Мастер пожелал, чтобы они остались, где были, и сказал, что им просто надлежит посылать ему благие пожелания и творить за него молитвы. Таким образом, перед ними разом открывалось и мирское и духовное поприще, и в том глухом углу земли они обратили себя к тому, чтобы творить благо всем, кто бы ни миновал их края.

Появление таинственного Шамса Тебриза

Когда между тем Мевляна прибыл в Дамаск, ученые мужи и прочие вельможи приняли его с должными почестями и расположили его в медресе Мукадаса – священной семинарии – и он пылливо обратился к стяжанию дальнейших знаний на религиозном поприще. Он пробыл в Дамаске семь лет. В ту пору был он сорока лет от роду.

Рассказывают, что однажды Мевляна прогуливался в садах Дамаска и тут увидел странного на вид человека, явившегося из толпы. Одетый в долгополый кафтан из черного войлока и покрытый своеобразным головным убором, он являл собой личность, непохожую на прочих людей. Оказавшись возле Мевляны, он приложился устами к его рукам и сказал: «О ты, мастер пробы, пытающий золото на оселке мудрости, испытай меня и узнай мою пробу!» В людской сутолоке он тут же затерялся в толпе: а был это Мевляна Шамс Тебриз. Наш Мевляна искал его, но тот исчез, будто его и не было.

Учение сеида Бахауддина

Спустя какое-то время Мевляна Джалаледдин отправился в путешествие в Рум (азиатскую часть Турции) и по его прибытии в Кайсарию с почестями был принят местным вельможеством. Сахиб Исфакхани хотел предоставить ему гостеприимство в своем доме, но сеид Бурхануддин заявил, что обычай Мевляны – всегда останавливаться в медресе. Одолеваемый множеством людей, искавших у него просветления, Мевляна спасался в уединении, замкнувшись в своей комнате. Прозрением осознав эту созерцательную сторону Мевляны, великий святой (сеид Бадруддин) сказал Мевляне, что теперь он должен искать в созерцании близости с ним (Бадруддином) и от него воспринять знание божественных и сокровенных манифестаций, поскольку впредь ему (Мевляне), с Божьей милостью, надлежит для того посещать покровительствующего святого. Мевляна, подметив внутреннее

томление и жажду великого святого сеида Бахаддина, сел у ног Наставника для дальнейшего просвещения. В качестве первого урока сеид велел Мевляне семь дней держать пост, но тот ответил, что семи дней слишком мало, что он предаст себя посту и созерцанию на сорок дней, и всецело себя вручает умосозерцательному обществу этого светоча среди мудрецов, Бадруддина; и все, что он ел за это время, это несколько ячменных лепешек, а вместо завтрака пил лишь глоток воды. Предаваясь этой духовной практике, он прозрел неведомые круги со всеми их тайнами, затворясь, как он был, в келье своего созерцания. По свершении сорока дней поста, когда святой сеид Бадруддин вошел в келью Мевляны, он увидел что тот глубоко ушел в размышление, как если бы воспарил умом в вышние круги Небытия, ибо «все, что ни есть во вселенной, это только то, что есть в твоём собственном Я, – ищи в своем Я, чего бы ты ни искал, ибо все есть ты». Застав Мевляну опять в состоянии созерцания, он предоставил его этому положению, рассудив, что Мевляна хочет блюсти еще один сорокадневный пост. По истечении второго сорокадневия святой вошел в келью Мевляны и увидел его стоящим на молитве в слезах, орошавших щеки. Тот, кто с таким усердием предавался благочестивому созерцанию, даже не заметил вошедшего к нему в затвор. Святой сеид вновь ушел прочь и предоставил Мевляне завершать третье сорокадневное бдение.

По истечении времени вне себя от страха за здоровье Мевляны святой сеид с размаху распахнул дверь в затвор, громко изъявляя свою тревогу. Тут святой увидел, как Мевляна появляется из своей кельи с улыбкой на устах и умиротворением на лице. Глаза его были как две «реки радости», и он произнес строки: «Узри в двух этих наших зрачках отраженье небесного Любимого нашего – узри же здесь и образ Господина нашего в танце». Оценив непреложную ступень просветления, которой достиг Мевляна, святой обнял его и сказал: «Ты был мудрейшим из мудрых в помышленье о всех сводах нравственных правил жизни, как и о всех сферах духовного бытия; но ныне ты проникнул тайну того, что есть самая сердцевина сокровенной жизни, и достиг ступени постижения, которой вполне могли бы позавидовать святые и праведники прошлого; и я полон благодарности, что споспешествовал тебе в достижении этой стадии чистоты и добродетели». Вслед за этим он велел Мевляне взойти на поприще просвещения людей и возжечь огонь божественной любви в сердцах искателей истины. Вот так и случилось, что Мевляна направился в Конию и стал преподавать сокровенное мистическое учение. С той поры он повязывал свой тюрбан на арабский манер и носил свободное одеяние с широкими рукавами, на тот фасон, как

было принято у ученых мужей древности. Спустя какое-то время святой сеид Бадруддин был вознесен в рай, и Мевляна отправился в Кайсарию, чтобы помолиться о его душе, вскоре после чего вернулся в Конию. Как раз в это время предводитель всех дервишей Мевляна Шамс Тебриз во второй раз предстал перед нашим Мевляной. Кроме того, говорят, что Мевляна Шамс Тебриз был учеником шейха Абу Бакра Тебризи, который был корзищиком. Этот шейх был повсеместно известен своей святостью и глубоким мистическим проницанием. Великие духовные и мистические достижения Мевляны Шамса Тебриза поднялись, однако, на такую превосходную высоту, что он, Шамс, желал «возлетать выше и выше», чтобы достичь наивысших пределов и сокровеннейших кругов мистицизма. Взыскую эту цель, он годами бродил по свету, и его прозвали Шамсуддин – Бродяга.

Видение Шамсуддина*

Однажды ночью Шамсуддин испытывал великое душевное отчаяние, восплакав о своем внутреннем томлении, и впал в состояние ума, вызванное мистическими чувствами, и тогда взмолился самым истовым образом: «О Боже, дай мне увидеть одного из Твоих великих святых и приведи меня к одному из тех, кого Ты любишь». В ответ на это Шамсуддину было дано наитие свыше, что тот, кого он искал, есть сын предводителя ученых мужей, некоего Бахауддина из Балха. «Покажи мне, о Боже, – молился Шамсуддин, – лицо этого человека». У него было спрошено, с чем он готов расстаться в благодарность, на что Мевляна Табриз ответил, что готов за это отдать свою голову, ибо дороже жизни нет у него ничего. И голос достиг его внутреннего слуха: «Иди в страну Рум, там ты найдешь цель своего искания».

Исполненный веры и огромной любви, Шамсуддин Тебриз направился в Рум. Одни говорят, он прибыл в Рум из Дамаска, другие утверждают, что прежде он снова вернулся в Тебриз, а оттуда отправился в Рум.

Пытующий сокровенные сокровища

Когда, в конце концов, он добрался до Кони, то поселился в комнате на улице Сахарщиков. На дверь нанятой им комнаты он навесил богатый замок, а ключ увязал в уголок пышнотканого тюрбана так, чтобы люди почитали его каким-нибудь богатым купцом. На самом деле, он обыкновенно жил в другой комнате, где была лишь соломенная подстилка, полуразбитый глиняный горшок и служивший подушкой кирпич, да еще мерка ячменных отсеков недельной давности, которые он замачивал обыкновенно в воде и пил как единственное средство поддержания жизни.

Сообщают также, что однажды, когда Предводитель мудрых – Шамсуддин Тебриз – сидел у ворот постоянного двора, он увидел Мевляну Руми верхом на быстроногом верблюде, и появился тот со стороны улицы Зеркальщиков. Школяры и ученые мужи пешим ходом сопровождали Мевляну, идя рядом с его верблюдом. Мевляна Шамсуддин Тебриз подбежал, схватился за уздечку верблюда Мевляны и сказал: «О ты, пытающий сокровенные сокровища, скажи, кто более велик: Пророк Мухаммад или Абу-Язид?». Мевляна сразу же ответил: «Нет, нет – Мухаммад, посланник Божий, куда как более велик, ибо он Предводитель пророков и святых», – и процитировал стих:

Счастлива страна наша,
и принести себя в жертву – наш долг,
Предводитель нашего каравана – Мухаммад,
и он – слава мира.

Но Шамсуддин опять спросил: «Что значат слова Пророка Мухаммада, сказавшего "Хвала Тебе, удостой нас Своего сияния", и слова Абу-Язида, сказавшего: "Да будет хвала, велик мой сан, и я – царь царей"?»

Как только Мевляна услышал это от Мевляны Шамса Тебриза, он сошел с верблюда, испустил крик и впал в беспамятство. В таком состоянии он пробыл целый час, вокруг пребывавшего без сознания мудреца бурлило людское море; и когда он очнулся, то ответил Мевляне Шамсу, говоря: «"Жажду" Абу-Язида утолила одна-единственная чаша, и меру его вместимости наполнил один глоток, и узкая щелка в двери его разума могла впустить лишь малую толику сияния Бога; между тем как "жажда" и вместимость Пророка Мухаммада были бездонны и его ярое желание Божьей благодати безмерно, и – как было сказано в Коране: "Разве Мы не раскрыли тебе твою грудь?.." – это означает, что Бог идет навстречу рабам своим, – и мера Его безмерна; стало быть, томление и желание Пророка было бесконечно большим, нежели у Абу-Язида. Поистине, "благоухание томления по Божественной любви" рождается от великой "жажды"». Сказав это, Мевляна отправился обратно в семинарию вместе с Мевляной Шамсом Тебризом и ушел вместе с ним в созерцательный затвор, где они оставались в уединении сорок дней; но некоторые говорят, они пребывали в созерцательном состоянии три месяца.

Кроме того, повествуют, что Мевляна сказал: «Когда Шамс Тебриз задал мне тот вопрос, в темени у меня раскрылось нечто вроде окна, и воспарение изошло оттуда в небо». Этот удар узнавания, вызванный Мевляной Шамсом Тебризом и его вопросом, привел к тому, что наш Мевляна перестал на время давать лекции в семинарии, равно как и не стал временно читать проповедей, но все свое глубокое прозрение обратил в тайны мистического учения; и он написал следующие стихи:

Подобно звезде Утарид [Меркурий],
элементы моего существа рассеялись врозь;
хотя в это время я мирно сидел – но когда
узрел я тайнопись на челе виночерпия, я
опьянел и сломал свой калам* в экстазе.

Учитель из Тебриза исчезает

Сообщают, кроме того, что когда эта близость двух искателей сокровенного знания превзошла все границы. Тех, кто раньше стал последователями Мевляны, забрала ревность и они зароптали: «Кто он такой, этот новоявленный, чтобы так захватить все время и внимание нашего наставника?» И тогда Мевляна Шамс взял и исчез. Целый месяц его искали, но где там было его найти! Никто и не знал, куда он пропал. С того времени Мевляна Руми завел себе особого вида шапку и нечто вроде длинного архалука**, распахивающегося спереди до самого низу, и это было так, как было заведено одеваться у древних мудрецов. Кроме того, он заказал себе лютню, у которой имелось шесть струн и шесть бочков в нижней ее части. Прежде же инструмент имел только четыре сторонки. Что до того, чтобы сделать лютню о шести бочках, он объяснил это так:

«Наша лютня о шести бочках, потому что каждая сторонка представляет одну сторону света, и прямонатянутые струны, каждая изображает Алеф, первую из арабских букв, а эта буква – первая в имени Аллаха, и Алеф – это дух души». «Таким образом, – добавлял он, – прослышьте Алеф Аллаха сквозь струны, если у вас отверзнут слух сердца, и провидьте отверстым зрением души имя Аллаха в том Алефе – в прямых чертах струн».

После этих слов влюбленных через край переполнила музыка души, и они впали в громогласные экстатические восторги: так что, сильные и слабые, ученые и неучи, мусульмане и немусульмане, люди всех народов и стран прибегли к милости и вниманию Мевляны, и стали его приверженцами, и читали вслух мистические стихи, и пели песни сокрытого смысла. Так они делали днем и ночью. Но завистники и отступники от мистического знания осуждали эти практики и говорили: «Что это такое, что происходит – странные какие-то манифестации!»

Люди имущие и праздные, и даже некоторые из царского рода, кто из-за напряженной практики созерцания и упражнений оккультных бросили свою прежнюю жизнь в роскоши, столь сильно подвергались воздействию, что даже повреждались в уме – на взгляд здравомыслящего простонародья. Один князь, по причине чрезмерных духовных упражнений и впадений в мистический транс, внешне сделался сумасшедшим, а те неверные, кто хулили Пророка, сходили с ума по-настоящему. Все это было, конечно, благодаря влиянию Мевляны Шамси Тебриза... Как сказал Пророк, «никто не сможет обрести в своем сердце истинной веры в Бога, пока люди от мира сего не назовут его сумасшедшим...», и когда реальность Реальности этого великого Мевляны проявилась в манифестациях, те, кто стяжал благодать Божью, сделались его учениками, а те, кто пошел путем прегрешенья [против Истины], были брошены и покинуты – ничего, кроме превратностей, не остается богооставленному; и, как сказано, не питай неверия к праведным и утрашишь бесстрашных боголюбивых, а не то терпенье таких людей наверняка тебя уничтожит.

Явление шестерых и цветы

Рассказывают также, что жена Мевляны, известная как Кира Хатун, которая благочестием и благонравием подобна была Матери Иисуса, поведала, что: «Как-то в один зимний день я видела Мевляну, приклонившегося головой на колени Шамса Тебриза. Я видела это в дверную щель его кельи; и тут я увидела, что с одной стороны стена в комнате отверзлась, и шестеро, внушавшие обликом благоговейный ужас, вступили в отверстие, и поклонились Мевляне, и положили перед ним букет цветов. Те шестеро пробыли там, пока не свечерело, и ни слова не было сказано.

Обратив внимание, что пришел час молитвы, Мевляна подал знак Шамсу встать и руководить молитвой; тот, однако, сказал, что не может в высшем присутствии этого сделать.

Итак руководил молитвой Мевляна, после чего те шестеро оставили его общество, вслед за тем как отбили нижайший поклон». Кира Хатун утверждала, к тому же, что она, став свидетельницей этих событий, лишилась чувств от страха и недоумения. «Когда я очнулась, – продолжала она, – я обнаружила, что Мевляна вышел из комнаты и подает букет цветов мне, говоря, что следует их сберечь. Несколько лепестков с этих цветов я отправила травникам для определения. Они, говоря, что за всю свою жизнь не видывали подобных цветов, спрашивали, откуда такие и как называются? И к тому же, все травознаи поражались аромату, краскам и нежности их зелени и соцветий и тому, как это было возможно получить такое цветенье в разгар зимы». Среди тех травников был один именитый ученый-ботаник, который ездил в Индию по торговым делам и доставлял обычно из той страны редкостные вещицы и диковинки. Он сказал, что эти цветы из Индии и что они не произрастают нигде, кроме как в этой стране, к южной ее оконечности, неподалеку от Сарандиба (Цейлон)*, и удивлялся, как это они добрались до Рума во всей свежести и красе? И он имел огромное желание знать, как они оказались в стране в такую пору. На это Кира Хатун не могла надивиться. Вдруг на месте действия появился Мевляна и сказал: «Береги эти цветы с неусыпной заботой и никому не открывай их тайны, ибо те Духовные Предводители, которые правят райскими пределами вокруг Индии, принесли тебе в дар эти цветочки для того, чтобы причастить тебя сокровенной жизни и добавить славы твоей целомудренности и богочестию. Бог да будет благословен, зорко береги эти цветы, чтобы никакого вреда не было тому, что подобно зенице твоего ока». Как утверждают, Кира Хатун сберегала зелень и лепестки с большой заботой, за исключением тех, что, с разрешения Мевляны, уделила Кархи Хатун, жене султана. Сила их была в том, что у кого бы ни болел глаз, стоило потереть лепестками, тот мгновенно излечивался. Краски и аромат тех цветочек так и не поблекли и не выдохлись в силу духовных достижений сиятельных друзей, принесших их.

Духи и светильник

Рассказывают также, что в доме у них был поставлен высокий постамент, чтобы водружать на него светильник; и Мевляна всегда стоя читал возле него, с первых сумерек и до рассвета, мистические писания святого Бахауддина. Между тем однажды ночью компания джиньян (джиннов – гениев, духов), обитавших в доме, пожаловалась Кире Хатун, что им стало невмоготу ночь напролет выносить свет и они боятся, как бы всем домочадцам не пришлось от них худо. Как оно и положено, это было передано женой Мевляне, который тогда ничего не сказал. На третий день он

оповестил Киру Хатун, что теперь ей бояться нечего, поскольку все роптавшие сделались его учениками, и никому из его сородичей и друзей худа не будет.

Тайный поход на битву

Рассказывают также, что жил один мастер-мясник, известный как достославный Джалаледдин, который был из самых первых учеников Мевляны. Он был также человек, многоодаренный живым нравом и горячностью. Для одной из своих забав покупал он молодых жеребчиков и, выездив, продавал именитым людям. В конюшнях у него всегда стояло множество превосходных лошадей. Повествуют, что однажды у Мевляны в мозгу сверкнула весть из Неведомых Пространств, что на мир грядет великая катастрофа. «Чуть не сорок с лишним дней, – говорил Джалаледдин, – Мевляна, обвязавшись по поясу своим большим тюрбаном, бродил туда и сюда, не находя себе душевного покоя. Наконец, – продолжал мастер-мясник, – однажды я вижу, как в мой дом входит Мевляна с изрядно озабоченным видом, и я поклонился ему, говоря «слушаю и повинуюсь», на что он велел мне оседлать для него скакуна из числа самых быстроногих коней. Втроем с большим трудом оседлав норовистую лошадь, мы подвели ее Мевляне. Вскочив в седло, он быстро помчался в сторону Киблы (на юг). Я спрашивал, могу ли я тоже ему сопутствовать, на что он ответил, что помочь ему надлежит лишь моральной моей поддержкой. Глубоко под вечер я увидел, что он вернулся, вся его одежда была в пыли, а лошадь – могучих статей, как слон – так уезжена, что обессилела в невероятной степени. На другой день, – продолжал лошажник, – Мевляна спросил другого коня, лучше прежнего, и, как и накануне, второпях ускакал и вернулся затемно. Конь был загнан до полусмерти, и я не посмел спросить о причине. Равно и на третий день, Мевляна пришел, спросил коня и, как и прежде, с неистовой быстротой умчался прочь. Однако, вернувшись ко времени вечерней молитвы, он уселся весьма довольный и в мире с собой и запел: "Желаю вам здравствовать, о вы, о мои друзья, кто поет, ибо псица ада снова ввергнута в ад", и я, изрядно убоявшись Мевляны, не смел спросить о причине всего этого.

Через несколько дней, когда пришел караван из Сирии, мы узнали, что орда монголов причинила великие бедствия городу Дамаску; и, как говорили, это был Халаку (Хулагу) Хан, тот, кто в 1257 году силой меча взял Багдад и убил халифа, затем захватил Алеппо, а теперь стягивал рать к Дамаску; и что Мунко-Ка подошел под Дамаск, и когда их войска окружили город, жители Дамаска увидели, что Мевляна явился на помощь воинам ислама, вследствие

чего они полностью победили монголов. Принесший нам эти новости вселил в нас веселье, и с радостью в наших сердцах мы пришли к Мевляне с тем, чтобы он сам разъяснил, что же случилось во время осады Дамаска, и Мевляна сказал: "Так, Джалаледдин, воистину это было"».

Богатый купец и дервиш с Запада

Повествуют также, что именитые спутники поведали, как однажды богатый купец из Тебриза приехал в Конию и, устроившись в доме одного торговца сахаром, спросил, кто из достославных богоугодных праведников проживал в том городе, дабы он мог пойти на поклон к ним и, прикладываясь к их рукам, стяжать добродетель через их благодать; ибо сказано, если кто отправляется в путешествие, то в месте своего назначения ему следует искать общества человека божьего. Ему ответили, что в их городе есть множество мужей набожных и благочестивых, но праведником из праведников был предводитель мудрых по имени шейх Садруддин, с которым мало кто сравнится в делах веры и мистическом знании. Несколько ученых мужей повели гостя к дому шейха Садруддина, и купец захватил с собой подарков для шейха на двадцать динаров.

Когда тебризский купец подошел к подворью шейха, он увидел толпу чиновников и челяди, предугадавших шейху во всех желаниях. При виде этого набожный купец изрядно опечалился и сказал себе, что пришел увидеть дервиша (кому не бывает дела до такой свиты и выставления напоказ), а не вельможу. Его провожатые утверждали, что вся эта показная сторона не оказывает на шейха воздействия, ибо он обрел цель мистического достижения; обилие сладкого не вредит врачующему недуг, но вредно страдающему недугом.

Купец, тем не менее, со значительной неприязнью вошел к великому шейху и сказал, что, вопреки большим денежным даяниям на неимущих и щедрой милостыне нуждающимся, он всегда испытывал денежные затруднения; и спросил о причине этого, и спросил средства против. Но шейх не преклонил слуха к его вопросам и прошению, в результате чего купец удалился от него с опечаленным сердцем.

На второй день он осведомился, нет ли в городе «какого другого великого праведника, от общения с которым я бы мог стяжать моральную и духовную пользу?», и ему было сказано, что есть еще один благочестивый и добродетельный муж – это Мевляна Джалаледдин Руми, предки которого были людьми учеными и благочестивыми на протяжении пятнадцати

поколений, и «он денно и ночью предается молитве и созерцанию, и великому множеству мистических материй». Когда купец изъявил пылкое желание обратиться к такому человеку, друзья повели его к семинарии и дому Мевляны. В конец тюрбана купца провожатые увязали пятьдесят динаров и, подойдя к дому Мевляны, застали его глубоко ушедшим в ученые занятия. «Влияние», расходившееся вокруг Мевляны, погрузило новоприбывших в «изумление и остоленение», а тебризский купец, стоило ему взглянуть на Мевляну, испытал на себе «влияние» такой силы, что разразился рыданиями.

Мевляна сказал: «Твои пятьдесят динаров приняты, но те двадцать (подношение шейху накануне) потрачены зря. Гнев Божий готов был обрушиться на тебя, но, по своему милосердию, Он привел тебя в эту семинарию, и отныне и впредь радуйся: невезенье не будет сопутствовать твоим торговым сделкам». Купец весьма впечатлился от этих слов, поскольку своего сокровенного желания еще не высказывал. Кроме того, Мевляна сказал: «Причиной твоих злосчастий было то, что однажды, идя по улице в краях западных франков, ты увидел великого франкского* дервиша, спавшего у перекрестка. Чураясь его нищего облика и места, где он спал, ты переступил через него, как если бы из отвращения к его скудости. Сердце того святого человека было тем уязвлено. Итак, причина твоего нескончаемого злосчастия крылась в твоей заносчивости и неуместной гордыне. Иди испроси у него прощения, и возвесели его, и передай ему приветствие от меня».

На купца изрядно подействовала такая прозорливость. Мевляна спросил у купца, хочет ли он увидеть франкского дервиша сей самый час? И, говоря так, дотронулся до стены своей монастырской кельи, отчего в стене обнаружилась некая дверь. Тут Мевляна пригласил купца посмотреть в эту дверь, и увидел купец тот самый перекресток, как его описал Мевляна, и увидел того спящего дервиша, как тогда. Пораженный необычностью, купец, как безумный, разорвал на себе одежды и отправился в путь к месту, указанному Мевляной. Когда он добрался до того города в западных пределах Франкистана (страны франков), он отыскал то место у перекрестка и увидел франкского дервиша, спящего там, как тогда. Купец спешил с коня на приличествующем расстоянии, хлопоча и стараясь об уважении, и отбил поклон франкскому дервишу. Увидев купца, дервиш молвил: «Не в моей это власти, а не то я бы открылся тебе, еще и как сила Господня, разреши мне Мевляна открыть себя так, но подойди поближе!» Говоря это, дервиш с любовью обнял купца и облобызал его бороду, и притом добавил:

«Узри теперь моего Наставника (Мевляну)». И купец увидел самого Мевляну, предающегося сокровенному слышанию, и возглашающего мистические тайны, и поющего стихи: «Право владенья за Ним; радуйся тому, что есть у тебя – будь сердоликом, или стань рубином, или оставайся только пригоршней праха: ищешь ты Верности или Неверности чрез желание (как бы там ни было). Скажи ты ему: "привергайся Истине", открой лик сердца, будь ты франк*». Позже купец, представ перед Мевляной, передал ему благопожелания того франкского дервиша и одарил многими подарками учеников Мевляны. Водворившись впоследствии в Кони, он стал одним из преданных учеников нашего Мастера.

Горящие глаза

Рассказывают, что однажды вечером в доме Мойнуддина справлялось тайнодействие мистического слышанья, и собралось большое собрание ученых мужей и святых праведников, и Мевляна восторгнулся духом и стал восклицать в мистическом экстазе. Через какое-то время он ушел в угол зала и встал там, и минуту погодя сказал, чтобы чтецы остановились. Все присутствовавшие там мудрецы подивились на такую просьбу; Мевляна, меж тем, погрузился в глубокое созерцание и, подняв потом голову, – глазные его яблоки, возбужденно пылавшие, рдели, как два шара, налитые кровью, – молвил: «Подойдите, друзья, и прозрите в моих глазах величье Божественного Света!» Почти никто не осмелился взглянуть в них; и кто отваживался на это, у того в глазах меркло и он сразу терял дар зрения. Крик мистического блаженства исторгся у учеников. Затем Мевляна взглянул на Чалаби Хисамуддина и сказал ему: «Подойди, опора моя и мое упование; подойди, мой наивозлюбленнейший, мой царь – сущий мой царь, подойди ко мне!» Чалаби возопил возбужденный (от похвалы), и слезы покатались по его щекам. Кто-то, пересказывая это дело эмиру Таджуддину, наверное, стал оспаривать, были ли эти слова действительно о великих и прекрасных достоинствах Хисамуддина, или Мевляна попросту проявлял учтивость. Между тем, когда это обсуждалось, появился Хисамуддин Чалаби и, перехватив рассказчика, сам обратился к Мойнуддину, говоря: «Хотя прежде слова в том смысле, который употребил Мевляна, действительно были не применимы ко мне, но только он (Мевляна) выговорил эти слова, как смысл их тут же мне сообщился, как гласит Святой Коран (сура Ясин):

Когда Он рождает какое-либо намерение,
Ему достаточно
повелеть, сказав: «Будь», – и оно уже есть.

Действие слов Мевляны (хотя их нельзя приравнять словам Господа, однако, образно говоря) – непосредственно и не зависит ни от каких объяснений, в них и не нуждаясь. Как гласит стих:

Считают, что медь всегда претворяется
в золото философским камнем – но сей
философский камень обратил медь в сам
философский камень.

И так же для милости Мевляны к друзьям и ученикам вполне под силу было разбудить подобные достоинства в природном складе его учеников. Те, кто усомнились в его мудрости, после этого объяснения понурились от стыда и, удостоверясь в истине, воздали Мевляне благодарностью. Еще одним наводящим оторопь свойством Мевляны было то, что никто не мог с ним встречаться глаза в глаза, ибо глаза его горели столь ярко, что, кто бы ни повстречался с ним взглядом, невольно потуплял взор.

Рассказывают также, что главный над учителями семинарии, некто по имени Мевляна Шамсуддин Малти (да благословит Аллах его душу!), один из именитых учеников нашего Мевляны, поведал, что однажды он пребывал в саду мудреца Хисамуддина вместе с другими, находившимися с Мевляной, и Мевляна, погрузив ноги в бежавший ручеек, обращал исполненную тайного смысла речь к собравшимся; в особенности он восхвалял великие мистические способности мевляны Шамса Тебриза.

Один из учителей семинарии, известный как Бадруддин Валид, под впечатлением от слов, сказанных Мевляной о Мевляне Шамсе из Тебриза, испустил вздох и сказал: «Горе мне, горе!» Мевляна, услышав это, спросил: «К чему эти вздохи и признаки грусти, и что у тебя за повод выражать подобные чувства?» Человек посетовал, что опечален тем фактом, что ему не

посчастливилось встретить Мевляну из Тебриза и стяжать еще большего для себя света от этого сиятельного «Светоча мистицизма»! Мевляна помолчал, выслушав объяснение, а затем сказал: «Хотя ты и не подступался к Мевляне Тебризу, ты добрался до порога того, на каждом волоске у которого – сто тысяч Тебризов, и все еще дивишься на идущие от Тебриза могучие волны оккультных влияний!» Он продекламировал: «Шамсуддин, покоровший царство нашего сердца; в него наша жизнь погружена». Все бывшие там вновь радостно встретили это упоминание о великом мудреце, который не присутствовал среди них (и, однако, занимал столь большое место в их мыслях), и затем Мевляна прочитал несколько строк из своего стихотворения:

Сорвалось вдруг с уст моих имя

Розы и сада Роз,

Тут он пришел –

И наложил свою руку

Мне на уста, и сказал:

«Я – царь:

Сердце Сада Я.

О сиятельный,

Если тянешься приравняться мне,

То и помни всегда обо мне».

Рассказывают, что из-за этой встречи Бадруддин занемог на целых сорок дней, и, испросив прощения, избыл немощь, и крепко привязался Мевляне.

Книги и скрытый в книгах глубокий смысл

Так, шейх Махмуд рассказывал, что однажды кади Мевляна Изуддин, бывший министром султана Кай-Хустро, построил мечеть в Конии и придал ей имя Мевляны; и он, муж даровитый и праведный, спросил однажды нашего Мевляну: «Какое бы знание ты ни приобрел, мы тоже штудировали по тем же самым книгам; но то, что ты "получил" из них, и то, о чем ты

ведешь речь, настолько превыше нас... и что это могло бы значить?» Мевляна ответил: «Да, это правда. Но с одной-двух страниц Книги мудрости Аллаха, которые пока что дошли до вас, мы-то кое-что впитали: "Дело сие совершается по милости Божьей, Он удостоивает того, кого пожелает". Стих гласит:

Мудрость, даруемая звездой Зохал [Сатурн],
Не под стать нашему проницанию,
И Утарид [Меркурий], и Зохал, вместе взятые,
Также могут приобщать человека знанию.
Но Бог нас благословил
Наличием духа,
И существо наше прожилено
Знанием Упования,
Итак, познание мудрости Бога –
Наша единственная стезя и Упование».

Вслед за чем достославный кади, ошеломленный, разразился рыданиями.

Мистический танец

Рассказывают также, что кади Изуддин был против танцев и музыки, которые наводят на людей мистические состояния. Однажды Мевляна, сильно вознесшийся в духовном восторге, вышел из семинарии в момент наивысшего подъема сокровенной музыки. Он пошел к кади и громко звал его, приглашая в собрание, где восхваляли Бога, и, подталкивая вперед, привел его в собрание тех, кто любит Господа, как и следовало поступать с человеком, если он непричастен мистическому опыту. Тотчас же он (кади) в порыве экстаза разорвал на себе одежды, и, подобно другим, зашелся мистическим пением, и заплясал, и закружился кругом, и закричал в возбуждении; и кончилось тем, что он стал одним из лучших учеников Мевляны.

Путь

Так же рассказывают, что кади Кони, некто Изуддин, кади Амазии и кади Сиваса (все – мужи благочестия и знания) однажды спросили у Мевляны, что такое его Путь, и он ответил: «Это и есть мой Путь, и просветление получит тот, кто ему следует», подразумевая, что метод его мистической практики – и есть путь, по которому могут идти другие и под его водительством стяжать для себя просветление; этим, на самом деле, он подчеркивал, что Суфийский Толк не имеет «учебников», и что мюрид, или духовный проводник, и есть тот, кто ведет учеников к оккультной цели. Все эти трое спрашивавших стали его учениками.

Попугай и лысый

Далее рассказывают, что, когда кади Аданы построил мечеть и придал ей имя Мевляны, то другой кади попросил нашего Мевляну сказать слово после начальной молитвы в новой мечети, на церемонии открытия которой он роздал множество денег в знак своей щедрости. Мевляна произнес проповедь, где речь шла о некоей птице, что была лысой (и из этого образного иносказания вывел наглядный пример для слушавших). В завершении собрания великий святой Камалуддин превознес Мевляну за умелое повествование, поданное с такой тонкостью и тактом, что острота его не уязвила тех собравшихся, кто был лыс; ибо лысыми были оба кадия, и они руководили собранием, но ни один из них не почувствовал себя и в малой степени уязвленным.

Ссора

Подобным образом рассказывают, что однажды Мевляна, идя по улице, услышал, как двое, занятые неистовой перебранкой, забрасывают друг друга скверными ругательствами. Мевляна слышал, как один из них говорил другому: «Скажи мне одно худое слово, я верну тебе тысячу таких же в ответ». Мевляна подошел к ним и сказал: «Давай, друг, обрушь свой гнев на меня, ибо, если ты бросишь мне тысячу ругательных слов, от меня не услышишь ни одного!» Итак, эти двое оказались пристыжены и помирились через это мудрое слово.

Ученый педант и колодец

Повествуют затем, что Мевляна Шамсуддин Малти (да благословит Аллах его душу!) рассказывал, что однажды некий ученый муж пришел к Мевляне со своими учениками под предлогом того, чтобы принести благие пожелания

великому святому, но про себя также надеясь испытать знание Мевляны и задать ему некоторые вопросы. Школяры, конечно, изначально полагали, что все, чему можно научиться, они обретут «в лоне» собственного учителя, и хотели только попытаться глубину достижений нашего Мевляны.

Мевляна, угадав их мотивы, приветливо встретил гостей и обратил к ним речи о различных предметах; и потом, имея привычку указывать то, на что хотел указать, он привел им образное иносказание о двух молодых богословах.

Один был ученым грамматиком, другой – лишь «путником» мистического пути, хотя и сведущим в обычном религиозном знании. Вместе они пошли прогуляться, и в разговоре тот, что не придавал слишком большого значения просто словам, проговорил какое-то слово со слегка непривычной флексией. Грамматик принялся спорить, говоря, что, поскольку он большой знаток (а был он весьма надменен от своих познаний, приобретенных только из книг), то не допустит подобного словоупотребления. Долгое время они препирались, и ни тот ни другой не заметили сухого колодца, и грамматик провалился туда. Он стал упрашивать товарища его вызволить. Тот сказал, что вытащит, если только он бросит спорить; но грамматик и не думал сдаваться, и с упорством настаивал на превосходстве своих познаний. Другой попросту оставил грамматика там, где он был, и пошел дальше своей дорогой.

Излагая эту притчу, Мевляна сделал выразительное ударение на теме гордыни и бахвальства, и сказал: «Пока не уйдешь от этого "упорства" в самовозвышении, так и будешь оставаться в колодце темноты (темноты, зримой для других, но не для самого себя) – самоуправное эго сравнимо с тьмой колодца, куда провалился грамматик, и из этого состояния рождается излишнее чувство собственной значимости». Выслушав и оценив мистический смысл этого рассказа, гости изрядно впечатлились и стали учениками Мевляны.

Дервиш и верблюд

Рассказывают также, что однажды собравшиеся в присутствии Мевляны воздавали хвалы правителю местности, некоему Мойнуддину, говоря, что в его правление каждый испытывал материальный комфорт и благополучие и что его щедрость была велика. Мевляна отвечал, что это правда, и правда стократ; но что у жизни есть и другая сторона (имея в виду, что простого физического руководства недостаточно, и что духовное предводительство

имеет свое почетное место), и поведал историю. Однажды караван паломников шел на поклонение в Мекку, когда верблюд одного дервиша, шедшего среди них, заболел; и что они только ни делали с ним, верблюд ни за что не подымался. (Дервишу, очевидно, предоставили ехать верхом из вежливости, своего вьюка у него не было), так что остальные, развьючив больного верблюда, распределили его груз между другими верблюдами и оставили того дервиша налегке (без верблюда). Мевляна сделал ударение на том, что каравану был нужен дервиш, и продекламировал следующие строки:

Ты возьми с собой проводника,

Ибо без него

Этот путь опасен, –

Я назвал проводника

Счастливою Звездой;

Ибо ведет тебя

Не возраст его,

Но его сокровенное знание.

Осел

Рассказывают также, что однажды, когда Мевляна держал речь в семинарии, изъясняя глубокий смысл многих тайн, он спросил свой класс, состоящий из школяров и собственных учеников, понимают ли они, почему в Святом Коране сказано: «Из всех криков рев осла наихудший»?

Мевляна сказал: «Большинство животных и тварей, издавая звуки, молятся и воспевают хвалу Богу: таков ор верблюда и верблюдицы, таково жужжание пчел, зудение осы; но не для этой цели ревет осел. Он подает голос только по двум поводам: когда оголодает и когда вожделеет случки. Так и человек, – добавил Мевляна, – в чьем сердце Божественная любовь не находит места. По сути, он – существо ничтожнее, чем осел». И он прочитал стихи:

Чьи аппетиты

Подобны ослиным,
Тот ничтожней осла!
Если ты не ведаешь
Пути,
Поступай тогда
Наперекор всему,
Чего хочет осел.

Потом он рассказал историю о царе, который просил другого владыку прислать ему самое скверное из еды, человека наихудшего сорта и самое скотское из животных. Царственный его брат послал царю снеди с гнильцой, армянского раба и осла. В письме он привел стих из Корана, где говорится, что наихудший звук – это рев осла.

Повествуют также, что как-то Мевляна и его друзья направлялись к саду Чалиби Хисамуддина и Мевляна восседал верхом на осле. По поводу своего верхового животного он заметил, что следует святой практике езды на осле, поскольку на ослах ездили некоторые пророки – такие, как Сиф, Ездра и Иисус.

Стих:

Верхом на осле, без сбруи, езд
Ты, о мудрый,
Ибо на ослах невзнузданных ездили
Посланники Божьи.

В это же время святой Шахабуддин тоже ехал на ослике, и ослик взялся реветь. Осердясь на ослиный крик, Шахабуддин стал бить его по голове, на что Мевляна укорил его, говоря: «Не бей его, но восхвали Господа, что ты на нем верхом, а не он на тебе». Шахабуддин устыдился и в наказание себе спешился и поцеловал ослиные копыта. Мевляна притом заметил: «А как

многие люди побуждаются теми же позывами, то, по справедливости, побить пришлось бы большинство из них».

Житейское несчастье

Рассказывают также, что как-то раз пришел к Мевляне один человек и принялся горько сетовать на свои житейские убытки и на то, что бедность преследует его по пятам. Мевляна дал ему совет сторониться своего общества и добавил: «И близко к нам не подходи, подальше от нас и от таких, как мы, отступись, чтобы к тебе могло подступиться мирское счастье», и Мевляна продекламировал:

Приди и приравняйся мне,

О ты, о благородный,

И не ищи

Ни вершин, ни глубин

Обреченных на тлен вещей.

Ибо окажись Дьявол соткан

На этот фасон –

Его украшал бы

Царский венец

И облекали бы ризы мудрецов.

Повествуют также, что Пророк Мухаммад однажды сказал одному из тех, кто ему соприсутствовал: «Носите железные рукавицы, и жалуйте напасти судьбы, и приготовьтесь терпеть тяготы; ибо хмурое чело житейского счастья – это как подарок тому, кто любит Господа».

Поведал Мевляна, что как-то раз мистик задал вопрос богачу: что ему больше любезно, грех или деньги? Богач ответил, что деньги ему любезней. Мистик сказал: «Не правду ты говоришь, ведь богатства свои ты оставишь и возьмешь с собою свои дела. Сделай что-нибудь, – продолжал мистик, – чтобы взять с собой самое для тебя любезное (деньги), – и потратишься на

благодаяние и милостыню, дабы ты мог послать свои богатства Богу вперед себя до того, как сам предстанешь перед Ним: ибо в Коране написано так: "И то доброе, что вы заранее для себя отправите, это найдете у Бога, и это лучшая и величайшая награда"».

Почетное место

Рассказывают далее, что однажды множество близких друзей и мужей благочестивых и знающих званы были святейшим Моинуддином к нему во дворец, и уже все расселись на почетных местах, как пристало им по рангу учености. Но верховный правитель изъявил пожелание, чтобы и Мевляна украсил собой этот праздник. За Мевляной послали Муджададдина, зятя правителя. Тем временем в достойном собрании возникло замешательство на тот счет, где же будет сидеть Мевляна, ведь все почетные места заняты. Каждый, в согласии с чувством собственного достоинства, так рассудил, что, когда Мевляна придет, он просто сядет, где окажется место (никто из них, будучи сам именитой особой, и не думал поступаться своим почетным местом). Посланный за Мевляной в подобающих выражениях передал приглашение. Мевляна, взяв с собой святого Чалиби Хисамуддина и других друзей, направился ко дворцу.

Последователи Мевляны шли впереди. Как только святейший Хисамуддин вошел в дом, все великие мудрецы уступили ему почетные места. Мевляна пришел попозже, и правитель поспешил ему навстречу и приложился к его руке в знак почтения. Видя, что все почетные места уже заняты вельможеством, Мевляна просто поприветствовал всех и сел на место позади главного дастархана*.

Святейший Чалиби Хисамуддин, видя, что Мевляна сидит не за дастарханом, сошел со своего места и сел возле Учителя. Заметив это, другие именитые мужи тоже перешли туда, где сидел Мевляна (но те, кого заедала зависть признать величие Мевляны, сиднем сидели на своих высоких местах). В числе этих пересевших были шейх Насируддин, сеид Шарифуддин и люди вроде него, каждый из них по праву считался высоко ученым мужем, как если бы проштудировал целую библиотеку книг. Как говорят, среди них Шарифуддин отличался высокими достоинствами и знаниями, однако отчасти был простоват и малость поспешен в своих речах. Посему, видя, что Мевляна перетянул к себе большинство из почетного ряда, где теперь все места опустели, он спросил: где же место главнейшего гостя и кого действительно надлежит почитать главой собрания?

Шейх Шарифуддин высказал мнение, что, согласно святым Хорасана и живущим по монашескому уставу, местом почета считается угол дастархана. Но шейх Садруддин сказал, что в кругу суфиев самое почетное место – на дальнем конце дастархана; и тогда, чтобы испытать Мевляну, они попросили его рассудить, где почетное место. Мевляна продекламировал:

Какое имеет значение

Название или место, и

Кто во главе?

Кто мы и кто я? -

Мы там, где Возлюбленный.

«Главенствующий там, где Возлюбленный», – сказал Мевляна; и сеид Шарифуддин спросил: «А где Возлюбленный?» «О слепец, разве ты не видишь!» – ответил Мевляна и прочитал стих:

У тебя нет внутреннего ока, чтобы видеть –

Видеть иначе;

Ты воспринял бы

Всем единством твоего бытия –

От головы и до пят, что

Нет ни частицы, Ему не сопричастной.

Потом, когда Мевляна покинул этот мир и Шарифуддин переехал в Дамаск, он потерял зрение (как и прорицал учитель) и часто рыдал и плакал. Он говорил, что когда Мевляна на него кричал, он чувствовал, что перед глазами у него держат большой черный поднос, вследствие чего он не мог ни различать цвета вещей, ни ясно видеть. Но он надеялся, что Мевляна, чье чувство милосердия было бесконечным, простит ему его заносчивость, и произносил такой стих:

Не теряйте надежды

На прощение.

Для того, кто раскаялся,

Море отпущения безбрежно.

В молитве и созерцании

За грехи свои проси отпущения,

Ибо милосердие Его безмерно.

Рассказывают также, такой случай произошел в доме Джалаледдина Каратая. Завершив строительство своей семинарии, он пригласил множество ученых мужей и знатных людей на празднество по случаю открытия школы-медресе. В тот день в город только что прибыл Мевляна Шамс Тебриз, и сидя за дастарханом среди других ученых мужей, он спросил Мевляну, какое место в собрании почетно. Мевляна ответил: «Между мужей ученых почетное место за дастарханом – в центре; почетное место "мужей, стремящихся к тайнам мистицизма" – на углу, почетное место суфиев – в конце дастархана, а почетное место того, кто любит, – рядом с любимым». И сказав так, он сошел со своего места и сел рядом с Мевляной Шамсом; и рассказывают, что Мевляна Шамс Тебризский стал лучше известен в Конии после этого. Повествуют также, что однажды правитель Мойнуддин созвал к себе собрание на тайнодействие с музыкой в честь Мевляны. Присутствовали многие мужи, ищущие святой цели, и мужи мистического круга мысли. Атмосфера шла по восходящей воодушевления до самой полуночи; в результате угощение простыло и стало несъедобно. Слуга пошептал об этом на ухо своему хозяину, который стал искать удобного случая сообщить об этом деле Мевляне приличным образом. Мевляна уловил смысл и заметил: «Разве может человек, стоя рядом с водяной мельницей, остановить движение мельничного колеса, когда вода льется с неуправляемой силой?»

Услышав аллегория, хозяин зарыдал от полноты чувств. Снедь роздали бедным и приготовили свежие кушанья.

Чудо лекарств

Рассказывают также, что однажды величайший из всех современных ему (Мевляне) врачей Рума приготовил снадобье и слепил пилюли, которыми излечились бы от укуса змеи семьдесят человек. Сделано это было по велению тогдашнего правителя, который также распорядился сделать семьдесят мензурок очистительного зелья, приуготовясь ко всяким случайностям. Однако вышло так, что как раз когда это зелье было готово, жилище врача посетил Мевляна. Знаменитый снадобщик, звавшийся Акмалуддином, по обычаю, оказал Мевляне подобающие почести. Мевляна, заметив семьдесят с лишним мензурок питья, опрокинул их в себя одну за другой; и после каждой радикальной дозы он воздавал хвалу Богу за превосходный вкус питья.

Врач настолько остолбенел и почти онемел, что не рискнул оповестить Мевляну о сильном действии этого зелья на обычного человека. Выпив залпом сильнейшее это лекарство, Мевляна, ни о чем не тревожась, вернулся к себе в семинарию; а ученики его были уже оповещены врачом. Они, как и врач, изрядно перепугались, как скажется это лекарство на здоровье наставника, которому, по сути вещей, надлежало весьма радеть о своем здоровье, поскольку он всю свою долгую жизнь, посвященную молитвам и упражнениям, подвергал себя суровому физическому напряжению и мог не выдержать и одной дозы такого лекарства. Врач не знал ни минуты покоя. В полном смятенье ума он отправился в пристанище Мевляны. Мевляну он обнаружил сидящим под аркой, погруженным в книгу сокровенной философии и безмятежно читающим святописание. После подобающих благопожеланий врач с тонкостью осведомился, каково самочувствие Учителя. Ему было сказано, что Мевляна прохлаждается и наслаждается, будто вдыхает прохладу речной воды. Врач с деликатностью намекнул, что, дескать, неглупо бы воздержаться от прохладительного питья; на что Мевляна тут же спросил себе подать ледяной воды. Притом он и льда в нее положил, чтобы еще остудить, и принялся посасывать льдышки, и по горло напился этой воды. Затем он пошел в бани, после чего заказал играть мистическую музыку; и став слушать, слушал пение три дня без перерыва. Врач громко запротестовал, что такая манифестация пренебрежения к действительности медицинских средств переходит всякие границы человеческого опыта и проделывать этакое могут только святые: а по сему он вместе со всеми своими сыновьями и домочадцами стал учеником Мевляны; и об этом своем опыте он поведал собратьям врачам. Как гласят стихи:

Если Он выпьет яду, яд потеряет силу –
Но «незрелый Искатель» лишь только
пригубит,
От отравы раздуется и
Засияет, как синяк под глазом!
Оттого и не было у яда силы
Над Первым Халифом – Абу Бакром
Великим,
Ибо яд для него имел свойство сахара.

Здесь ссылка на случай, когда Первый Халиф Абу Бакр сопровождал Пророка Мухаммада во время его бегства из Мекки в Медину; они прятались от врагов в пещере, и змея высунула голову из лаза внутри пещеры. Абу Бакр большим пальцем ноги закрыл лазейку, и змея ужалила, но яд не нанес ему никакого вреда.

Чудо крови

Также рассказывают, что в те времена разгорелся среди врачей большой ученый диспут: соединен ли состав человека кровью, текущей по его жилам, или его сохраняет в целости одна только милость Божья. Доктора медицины, естественно, держались мнения, что, поскольку кровь – это живительный сок в человеческом теле, то если его обескровить до полной кровопотери, жизнь, истощившись, прервется.

Мыслители эзотерического толка придержались иной точки зрения. Этот вопрос они поставили перед Мевляной. Он сказал, что в медицине, вполне естественно, кровь является основой жизни для тела, и это основное. «Но, по нашему разумению, существование человека связано с Волей Божьей, и кто бы это мог или стал опровергать». Говоря так, он потребовал от одного человека отворить ему кровь. Он сделал себе такое кровопускание, что обыкновенные люди испустили бы дух, и кровопотеря была столь велика, что его тело приобрело желтоватый оттенок, практически совершенно изойдя кровью. Обратив на это внимание докторов медицины, он спросил, не сочтут ли они, что человек жив милостью Божьей, а не только благодаря одной

крови. Все, кто там был, склонились головой в знак согласия и стали его учениками; затем он отправился в бани, после чего они к нему присоединились в чтениях и напевах мистических стихов, как будто ничего особенного не случилось.

Почему мудрецы говорят о святых

Рассказывают также, что однажды Мевляна Шамсуддин Малти посетил пристанище Мевляны и нашел его сидящим в одиночестве. Мастер просил его подойти и сесть поближе. В ответ на это Малти подсел ближе, но Мевляна просил садиться ближе и ближе, пока Малти не стал коленями касаться коленей Мевляны; и тогда Мевляна заговорил о великих достижениях сеида Саида Бурхануддина и Мевляны Шамса Тебриза, пока Малти не переполнило всем этим через край, на что Мевляна сказал ему, в качестве объяснения: «Ты так себя чувствуешь потому, что там, где говорят о возвышенности праведных подвижников, Божественное благосердие изливается, как благодатный дождь, и освежает ум».

Рассказывают также, что когда Мевляна, по своему обыкновению, посещал бани, его жена каждый раз давала ему с учениками шелковую подстилку, чтобы после банного жара он не простудился.

Однажды, когда они разворачивали предназначенное к тому шелковое покрывало, Мевляна (видя это и отметив причину), тут же скинул с себя одежды, защищавшие его от студеной погоды и вышел на сильный холод во двор. Ученики видели, что вместо того, чтобы кутаться в теплое, он стоял на заснеженном дворе. На голове он держал большой кусок льда. В качестве объяснения Мевляна сказал ученикам:

Неуязвим для холода

«О мои друзья, не надо нежить мое физическое «Я». Я не из рода фараонов, но из племени того царя, который был царем великих дервишей». Сказав так, он надел шапку и пошел себе прочь.

Норовистое я

Рассказывают также, что Хадрат Султан Валад (сын Мевляны) говорил, что, когда Мевляна был еще только ребенком пяти лет от роду, его желания и аппетиты уже угасли. «Мой отец достиг совершеннолетия, и затем его годы подошли к среднему возрасту, но он по-прежнему подвергал себя суровым лишениям молитвенной практики. В духе самопожертвования, он пренебрегал всеми материальными удобствами и смирял в себе вождление к

мирским вещам. Я спросил его: почему, одолев в себе вождение с таких малых лет, он упорствует в самоотречении и так же надзирает, как раньше, за своими физическими желаниями и аппетитами? Он ответил, что «я» – большой плут, и "надо быть всегда начеку, на тот случай, если зло станет брать верх"».

Натягивай поводья норовистого «я»,

Как можно туже –

Упаси себя от силков, плетенных

Из цветов неверия этого мира,

Не обманывайся ни его ризами святости,

Ни долгой снизкой его молитвенных четок;

Не связуйся с ним узами

И не мчись с ним в одной упряжке.

Принятие ученика

Передают также со слов Чалиби Хисамуддина, что у сеида Шарифуддина был большой друг, видный человек в Конии, сын которого отличался добронравием и умом. Богочестие и доброта Мевляны произвели большое впечатление на юношу, и он захотел стать его учеником, даже в таких юных годах. Отец юноши, считая, что учение Мевляны для юнца сложно не по возрасту, откладывал разрешение на будущее. Но юноша пригрозил, что покончит с собой, если не получит разрешения стать последователем великого мудреца. В конце концов отец юноши дал согласие и обратился с этим делом к сеиду Шарифуддину. Чтобы не отвечать отцу отказом, Шарифуддин измыслил план. Он присоветовал отцу спросить у Мевляны, попадет сын его в рай или нет. Дерзкий вопрос мог рассердить Мевляну, и тогда просьба о принятии ученика могла бы быть отклонена.

Отец юноши устроил большой пир для ученых мужей города. После этого, как было принято, повелась мистическая пляска и музицирование. Когда действие и манифестации дошли до высшей точки, отец задал подсказанный вопрос. Без колебаний Мевляна ответил, что этому юноше уготовано попасть

в рай и он достоин стяжания Божественной благодати. Он не похож на других своих сверстников в городе, потому что его влечет к духовным учениям, а их – нет. В результате и отец юноши, и сын стали учениками Мевляны.

Низкое качество учеников

Повествуют также, что раз Мойнуддин, достославный, заметил: «Мевляна – муж благочестия и знания, и никого ему подобного не нарождалось на протяжении целых поколений», но вот ученики его не лучшего разбора и преследуют собственную корысть. Об этом было передано Мевляне кем-то из случившихся при том разговоре, и ученики его чрезвычайно огорчились. В ответ на это Мевляна написал сделавшему такое замечание письмо, говоря, что, будь его ученики уже людьми первосортными, то это он бы стал учеником у них, а не они у него, и поскольку им не доставало добродетели, то он и воспринял их в ученики, чтобы «усовершенствовать». Потом он сказал: «Клянусь душой моего досточтимого отца, пока Бог не покрыл их покрывалом благодати, дабы эти люди могли встать на прямой путь приятия, они не были зачислены ко мне в ученики». Он продекламировал:

Заблудшие,

Они медлили

На пути Божественных дел:

Их спасти мы пришли,

Им подобным помочь мы стремиться должны.

Когда Мойнуддин получил это письмо Мевляны, то был так тронут рассуждением, что немедля стал его последователем и с той поры верно служил ему.

Телепатическое посещение

Сообщают также, что поблизости от семинарии Мевляны жил молодой купец, которого привлекали тамошние учения. Этот юноша, однако, горел желанием съездить в Египет, несмотря на то что друзья ему не советовали. Когда о его затее услышал Мевляна, то и он возразил против поездки. Но

купец определенно решился на путешествие. В один прекрасный вечер он отправился в дорогу, в сторону Сирии. Достигнув Антакии, он взошел на корабль, державший курс на Египет. По злоеволюю случая корабль захватили франки, и вместе с кораблем попался к ним в руки и молодой купец, которого бросили в темницу. Кормили его очень скудно. Целых сорок дней пробыл он в том темном узилище, непрерывно стеная о том, что лишился свободы за непослушание своему духовному наставнику Мевляне.

На сороковую ночь, однако, ему привиделся во сне Мевляна, который сказал, что когда наутро его (купца) станут допрашивать захватившие его франки, на любой заданный вопрос он должен отвечать утвердительно. Вздрогнув, купец проснулся, и вот, действительно, когда пришли франки с допросом, спрашивая его через толмача, смыслит ли он что-нибудь во врачебной науке, он – как ему было в ночь накануне наказано во сне – отвечал, дескать, он искусный во врачевании человек. Франки, крайне довольные услышанным, немедля позвали его к своему королю, который захворал и нуждался в безотлагательном попечении врача.

Пленника снарядили подобающим платьем и тотчас доставили во дворец как «искусного врачевателя». По пути во дворец на него снизошло наитие, и, осмотрев пациента, он предписал принести фрукты семи видов, извлечь из них сок и напоить хворающего. Милостью Божьей, недуг короля сразу претерпел перемену к лучшему. Король остался этим очень доволен, и впредь молодой купец почитался почетным гостем. Хотя юноша был полный неуч, тем не менее помощь к нему пришла:

Возвышенные сердца приходят во спасение,

Заслышав угнетенных

«На помощь!» стоны.

Когда король обрел обычное свое здоровье, он спросил купца, как может его вознаградить. Молодой купец попросил лишь отпустить его и отправить домой, чтобы он мог пасть на колени перед своим духовным наставником. Его освободили, наделив дарами; и тут он поведал свою историю франкам, на которых оказали сильное впечатление помощь Мевляны и его духовные способности.

Добравшись до Кони, купец напрямик направился в дом Мевляны. Поцеловав стопы его ног, он приложился к ним с благодарностью и благоговением. Мевляна изъявил свое удовольствие при виде молодого купца и, ласково поцеловав лицо ученика, заметил: «После этого испытания, оставившего довольными франков и доставившего тебе освобождение, теперь больше прежнего усердствуй, добывая себе на пропитание в довольстве и праведности, ибо довольство – это милость Божья, а жадность ввергает во тьму пленения».

Богатые и бедные

Рассказывают также, что как-то раз некоторые ревностные ученики Мевляны изъявляли сожаление о том, что горожане поименитей не посещали Мевляну, но часто шли к мужам куда менее благочестивым и знающим. Они считали, что эти горожане не понимали всего величия Мевляны. На все это Мевляна отвечал, что если бы он привечал городских богачей и вельмож, тогда народ победнее лишился бы его общества. Сетования учеников Мевляны как будто «вошли в оба уха» богатого сословия Кони. Прямо на другое утро большое число тех, кто владели земным достоянием в городе, пришли за благословением к Мевляне. Среди них были обладающие положением персоны, такие, как Фахруддин, Мойнуддин, Халалуддин Мустафа и Аминуддин Миакал. Веранда дома Мевляны переполнилась славнейшими горожанами, и для того, чтобы внимать речам наставника, ученикам победнее места в семинарии не нашлось.

В результате, таким, как они, пришлось стоять за порогом, и им было уделено совсем мало или вовсе никакого внимания от Мевляны – большая немилость обстоятельств для тех, кто обижен земными благами. Но лишь только богатая знать ушла с веранды, как вошли бедные ученики и почтительно пожаловались Мевляне на то, что остались ни с чем. Наставник восстановил в них мир, сказав, что настоящие его друзья – это бедные, и что его проповеди и речи всегда обращены к наиболее смиренным и нуждающимся, тогда как богатые, в сущности, получают наставления, «оставшиеся» после бедных, так же, к примеру, как люди пьют козье молоко после того, как материнского молока напились козлята. Снятое молоко – для богатых, а сливки добродетели питают бедных учеников. Притом Мевляна добавил, что наплыв случился из-за того, что бедные ученики сами, в первую очередь, и жаловались на отсутствие знатных прихожан. Мевляна же их не зазывал. Итак, ученики не должны обижаться и должны молиться, чтобы

богатые всегда ступали по пути добродетели и не докучали дервишам, а неизменно добывали себе на пропитание в мире и довольстве.

Название города

Рассказывают также, что однажды Мевляна присутствовал на молитвенном собрании в доме, где шейх Зияуддин произнес нараспев коранический текст, в котором встречались следующие стихи:

О поре предрассветных часов размышляй

и о густеющем мраке ночного покрова.

Он, Господь твой, тебя не оставил,

И тебя Он – не разлюбил.*

Стихи произвели на Мевляну сильное впечатление, Хисамуддин, однако, просил извинения, что чтец декламировал Коран не безыскусно, а с несколько вычурной интонацией. Мевляна заметил, что это напомнило ему случай, когда некий пустившийся в путешествие ученый-грамматик спросил у простого Искателя, тот ли это город, куда он стремился. Затейливый выговор грамотея не очень сообразовывался с простым говором той местности, и, стало быть, скромный Искатель попросту отвечал, что даже не слышал никогда такого названия.

Что означало, конечно, что хотя текст Корана был тот же самый, знакомый Мевляне, но из-за вычурности чтеца ему недоставало духа простоты [подлинника]. Грамматик в рассказе настаивал на том, что правильное произношение как раз у него, а Искатель ему отвечал, что, может, оно и так, но жители города выговаривают его название этак, и, стало быть, ученый грамотей, наверное, имеет в виду другой город.

Лестница и веревка

Рассказывают также, что как-то раз Мевляна держал речь о высших аспектах духовной философии. Он ввел в свое повествование историю о том, как один дервиш проходил мимо сухого колодца, куда в ночной темноте нечаянно угодил некий ученый-грамматик: бедняга криками призывал на помощь. Дервиш позвал людей, чтоб несли веревку и лестницу тащить того из

колодца. Но грамматик прокричал дервишу [из колодца], что, согласно правильному словоупотреблению, он должен поставить вокабулу «лестница» вперед, а вокабулу «веревка» – за ней. На это дервиш ответил: «Оставайся там, где ты есть, пока я не научусь правильно расставлять слова». Этой историей Мевляна преподавал урок, что те, кто постоянно заняты «ловлей блох» и не стараются вскрыть глубокий смысл вещей, подобны человеку в колодце. Их тяготит ученость, которую они себе присвоили, и они не ищут наставника, который привел бы их к достойной духовной цели. Рассказывают также, что у благочестивого Салауддина был ученик, весьма приверженный Мевляне, и занятием его было покупать и продавать. Негоциант этот долгое время лелеял намерение побывать в Стамбуле. Когда он все уладил, то пришел распроститься с Мевляной и снискать от него благословения и благодати.

Монах и чудо

Мевляна сказал негоцианту, что, когда тот попадет в Стамбул, ему надлежит посетить одного христианского монаха, отринувшего мир и поселившегося в окрестностях, и передать ему приветствия и благопожелания от Мевляны. По прибытии в город турков первое, что сделал купец, это посетил франкского монаха, которого застал в глубоком созерцании, осиянного нимбом праведности. Почтительнейшим образом купец передал монаху приветствия Мевляны, и монах уважительно стоял, принимая эти дружеские изъявления. Потом монах преклонил колени на молитву.

Негоциант не удержался и окинул взглядом келью. К своему недоумению в одном углу он увидел Мевляну, тоже глубоко ушедшего в созерцание. Мевляна был в той же одежде, том же тюрбане и с тем же самым выражением на лице, какое купец видел, когда прощался с ним в Конии. Негоцианта столь потрясла эта манифестация, что он потерял сознание. Когда он очнулся, монах возвратил ему мир. Он сказал, что, если бы он (купец) мог уведомиться о тайнах «свободных», он бы стал выше по духовному уровню. Рекомендательным письмом монах препоручил его тем, на ком возлежала обязанность споспешествовать купцу в его торговых делах. Купец подал это письмо правителю Стамбула, который оказал ему королевский прием и исполнил все, что ему требовалось. После этого негоциант снова пришел к монаху, чтобы распрощаться с этим праведным человеком, и, подобно Мевляне, монах отрядил негоцианта передать свои благопожелания Мевляне и сказать, чтобы Мевляна милостиво вспомнил его и не забыл послать ему (монаху) свои благословения. Когда купец, однако,

вернулся к себе домой в Конию, все события своего путешествия он пересказал шейху Салахуддину, который заметил, что все, что говорят святые люди, – истинная правда, но посоветовал купцу не пересказывать сути этого мистического случая тем, кто не принадлежал к эзотерической «пастве». Затем он проводил купца к Мевляне, и купец передал тому благопожелания христианского монаха из Стамбула. Мевляна сказал купцу: «Смотри, и ты увидишь чудо!» Что же негоциант увидел тогда, к своему полному изумлению, как не монаха, сидящего в углу комнаты Мевляны в глубоком созерцании и одетого в те же ризы, что негоциант видел на нем в Стамбуле!

Ввергнутый в экстатический восторг увиденной сценой, купец разорвал на себе одежды; ибо это дело превосходило всякое человеческое разумение. Мевляна отвел купца в сторону и сказал: «Видя то, что ты видел, ты узрел сокровенные тайны, и теперь ты наш конфидендент*; не обнаруживай этих дел недостойным, малосведущим в мистическом знании». И затем Мевляна продекламировал строфу:

Неспособный

Выдать тайну султана –

Не рассыпающий сахара муравьям,

Только он может стать восприемником тайн;

Иначе – это все равно что бросать

самоцветы перед коровами.

Купца обуяло сильное волнение, он роздал все свое достояние бедным и, отрешась от житейских забот, стал преданным учеником нашего Мастера.

Рассказывают также, что однажды Мевляна шел из своей мечети к городу, когда встретил монаха с бородой, и спросил, неужели белая его борода старше его самого по возрасту. На это монах ответил, что бороду он стал растить двадцати лет от роду.

«Тогда ты по возрасту старше своей бороды», – заметил Мевляна. И продолжал: «Как жаль, ведь то, что моложе тебя, убедилось белизной добродетели и святости, а ты остаешься все тем же в темных проулках жизни и все идешь по той дорожке, по которой не пошла твоя борода». Монах разом постиг суть, порвал четки и, придя к вере, стал одним из великих учеников Мевляны. Опять же как-то раз встретились им кучка черноризников; и ученики прониклись жалостью к ним, сбившимся с истинного пути, подобно людям, не знающим настоящего смысла ни духовной жизни, ни мистического чувства. Если бы, размышляли ученики, солнце духовного водительства могло просиять на темноту этих чернецов, пусть совсем невзначай, то на их пути появился бы свет. Только эти люди еще издали завидели Мевляну, как «солнце просияло на них» и они тут же ступили на Путь, по которому шел Мевляна, и в конце концов сделались приверженными учениками. Говорят, что Господь скрывает черноту в белизне и производит белизну из черноты. Услышав это мудрое речение, ученики еще больше преклонились в принятии истин, возглашаемых Мевляной.

Усовершенствование внутреннего существа

Рассказывают также, что однажды Мевляна Ихтиаруддин Факих, знаменитый доктор права, с опозданием вернулся с пятничной молитвы к Мевляне домой, вопреки тому что Мевляна несколько раз просил его прийти. По его возвращении Мевляна осведомился о причине задержки. Доктор ответил, что замешкался потому, что проповедник из Ходжанда держал речь, и в это время ему было затруднительно покинуть собрание. Мевляна спросил, на какую тему говорил проповедник, и был уведомлен, что мулла из Ходжанда вел речь о счастливом жребии, выпавшем ему и слушателям его, быть теми, кто они есть, и призывал внимавших возблагодарить Бога за то, что ему и всем им было дано родиться не где-нибудь, а в лоне истинной веры. Мевляна молвил с улыбкой: «Бедный мулла возвеличил себя превыше пророков и святых, говоря и чувствуя, что только он и ему подобные возвышенны. Такие люди не осознают своего внутреннего «я» (имеется в виду, что эти люди – великие грешники и не прозревают своего сокровенного существа, а смотрят только на внешнее «я» человека, пренебрегая тайной глубокого смысла), и они не сознают превосходства тех, кто усовершенствовал свое «внутреннее существо» с помощью «мистического света». И затем Мевляна продекламировал стихи:

А есть другие,
Кто бьет крылом
Пред Престолом Аллаха.
Любящие Господа –
Они и ангелы и святые.

Преобразование камня в драгоценный рубин

Повествуют также, как великий литератор Хисамул-Милла-ва-Дин Амаси, который, ко всем своим прочим достоинствам, был еще и одним из главных учеников Мевляны, рассказывал, что некий Бадруддин Тебризи, сведущий в искусстве математики, астрономии, химии и истории, поведал в дружественном кругу, что был одним из тех, кто однажды вместе с Мевляной принимал участие в мистическом музыкальном собрании всю ночь до зари в саду Чалаби Хисамуддина. На заре Мевляна позволил ученикам смежить веки коротким сном, между тем как он сам ушел в глубокое созерцание; и рассказывал Бадруддин: «Я тоже, откинувшись, прилег на покой, но мой ум не бездействовал; ибо я размышлял над тем, что великие личности, такие, как Сиф, Иисус, Идрис, Соломон, Лукман, Хызр, – все, стяжавшие великие мистические достижения, являли чудеса и что эти люди возвышенных совершенств владели еще сверхобычными умениями и навыками; например, такими, как выделывание кож, высокое искусство трансмутации низких металлов в золото и тому подобное, лежащее за границами всяких человеческих способностей; и я стал гадать, благословен ли Мевляна какими-то из подобных качеств. Я пребывал в таких размышлениях, как вдруг – словно на меня напал тигр, – рывкнув мое имя, Мевляна дал мне в левую руку кусок обыкновенного камня и сказал: "Иди и благодари Бога"; и когда я присмотрелся к камню, то он превратился в громадный рубин такого достоинства, какого я не видывал и в сокровищнице султана. Приключившееся столь сильно на меня подействовало, что я возопил, и те из моих соотечественников, кто спал, проснулись и стали меня спрашивать, почему я кричу в этот час, надсаживая голос за десятерых».

Бадруддин добавил, что он долгое время рыдал, испрашивая прощения у Мевляны за то, что подобным образом подумал, какими сверхъестественными дарами тот обладает. Мевляна простил его, и тогда он отнес «обращенный-в-рубин-камень» дочери Мевляны и поднес ей в

подарок. Она немедля обратила рубин в деньги: сто восемь тысяч дирхемов – и потратила эту сумму на различные потребности учеников и людей неимущих.

Позже, комментируя этот случай, Мевляна спросил: разве мы не слышали историю о дервише, который превратил сук сухого дерева в лук чистого золота (вот какие люди были его друзьями!). И притом добавил, что хотя это и чудесное дело – превращать неживые вещи (камни и овощи) в драгоценные металлы, еще большая искусность – обращать сердце и ум живых в мистическое «золото»; и он продекламировал стихи:

Поистине это чудесно,
Медь в золото трансмутировать
Философским камнем!
Но узрите чудо чудес – что
Некая «медь» ежеминутно
Обращает философский камень!

Железные башмаки

Сообщают также, что Мевляна Шамсуддин Малти (Аллах да благословит его душу!) рассказал о том, что, когда шейх Масхаруддин, сын шейха Сайфуддина Бахарзи (благослови Аллах его душу!) прибыл в Конию, большое число ученых мужей и вельмож пришли посетить его и оказали ему большой почет и внимание, подобающие по его святости и благочестию. Невзначай так случилось, что в тот день Мевляна со своими учениками проходил мимо дома, оказавшего шейху гостеприимство, и шейх Масхаруддин, должно быть, сказал, что весть о приезде великого мудреца не дошла до ушей Мевляны, – косвенным образом давая понять, что от Мевляны ждут прийти и проведать гостя.

Один из учеников, услышав намек, упомянул об этом деле Мевляне, который заметил, что настоящий «гость» – это он, а не тот человек, прибывший в Конию; итак, больше правоты в том, чтобы шейху посетить его первым, а не ему идти к шейху. Ученики, однако, не сумели проследить за мыслью и искали истолкования, и им было изъяснено в следующих выражениях: «Мы

приехали сюда из города Багдада Того, Кто есть Все во Всем, проникающий собой все сущее. И этот брат из наших братий приехал всего лишь с одной из улиц "просто" Багдада (из камня и глины); итак, настоящие "гости" – мы, а не он». Иносказание здесь мистического свойства, подразумевающее, что люди, погруженные в таинства мистицизма, видят Бога во всем – в каждом камне и в былинке; и осознают единство Бога в единстве всего сущего. Когда эти слова передали приезжему шейху, он, также будучи «мужем добрых достоинств и внутреннего понимания», признал их истинный смысл и пришел отдать дань почтения Мевляне, после чего стал одним из его больших приверженцев. И приезжий мудрец притом добавил, что правдиво было сказанное ему отцом: «Обуй железные башмаки (которые не разобьются от долгохождения) и обзаведись железным посохом, дающим передышку в дороге, и пускайся в поиски такого наставника, как Мевляна, чтобы мог ты духовно возвыситься».

Если Богу будет угодно...

Рассказывают также, что однажды Мевляна попросил служившего ему некоего шейха Мухаммада, исполнить какую-то работу, на что тот ответил: «Да, инш'алла» (Да, если Богу будет угодно!). Тут Мевляна как крикнет на него: «Ты, о глупец! Кто, если не манифестация Бога, велит тебе сделать эту работу?» Иносказание здесь не в том, что Мевляна претендовал на божественность, а в том, что, согласно мистическому представлению, атрибуты Бога настолько тождественны человеческим, и человек настолько подчинен Господней воле и Его промыслу, что он не что иное, как орудие Его манифестации, будучи «лучшим из сотворенного», и Единство всех сущих вещей делает Бесконечного единым со всем, что было, что есть и что будет. Потрясенный силой веления духа, слуга испросил прощения.

Мистическое неистовство

Рассказывают также, что однажды Мойнуддин собрал у себя знатных людей, среди которых присутствовал также султан, но главным гостем был Мевляна. Мистическое слышанье продолжалось далеко за полночь; и, наверное, кто-то из учеников шепнул хозяину дома, что, если бы слушания закончились, народ смог бы улучшить время для сна. Не зная, о чем шептались эти двое, Мевляна попросил прекратить всякий звук; но меж тем как все другие предались покою, некто по имени шейх Абдур-Рахман Саид все еще громко вопил, захваченный чем-то вроде экстатического неистовства. Султан шепнул одному кому-то, что Абдур-Рахман показывает себя неблаговоспитанным; что, хотя все отдыхали или пытались заснуть, Абдур-

Рахман все еще продолжал вопить и кричать. «Неужели, – сказал султан, – этот дервиш, раз уж его так разобрало это действо, более велик, нежели Мевляна, молчаливый и спокойный?» На это Мевляна заметил, что у некоторых в сердцах угнездились земные страсти, подобные чудовищным драконам; они не дают им ни успокоиться, ни проявиться, чтобы достичь мистического совершенства, как другие ученики, ибо дракон постоянно тянет их в сторону. Эти слова так сильно подействовали на султана, что он склонился перед Мевляной с просьбой принять его в ученики.

Взывая к Мевляне

Повествуют также, что причина окончательного падения дома Сельджуков была та, что султан сделался смиренным учеником Мевляны и почитал Мевляну своим духовным отцом; но мало-помалу его преданность переставала внушать доверие, поскольку, пойдя на поводу, он с гораздо большим вниманием стал прислушиваться к другому человеку, который просто, как «балаганщик», рисовался своей мистической позой. Кружок людей весьма легковесных в религиозном смысле восхвалял того человека так усердно, что султан все больше и больше склонялся к нему.

Между тем однажды настал момент разрыва, ибо султан призвал к себе немалое число высоких особ, включая Мевляну, и объявил, что он (султан) отныне и впредь принимает духовное попечение того самого человека – по имени шейх Баба Марвизи, – предпочитая его Мевляне, и с этого дня его духовный отец – Марвизи.

Публично нанесенная обида подобного рода, естественно, задела Мевляну, и он сказал, что раз султан берет духовным отцом другого человека, то и он поищет другого духовного сына; и покинул диван*. Повествуют также, со слов Чалаби Хисамуддина, что меж тем как он (Хисамуддин) шел из султанского дивана вместе с Мевляной, ему было «видение», что султан стоял без головы, как если бы голова султана была отрезана. Многие ученые мужи поспешили за разгневанной Мевляной, чтобы вернуть его назад, но в диван к султану он не вернулся. Несколько дней спустя султан призвал наиболее славных святых и праведников справить обряд возжигания фимиама, чтобы отвратить угрозу монгольского вторжения.

После этого священнодействия султан отправился к Мевляне испросить его благословления, ибо потом он собирался выступить против монголов. Мевляна не советовал султану идти в этот поход, но поскольку доходили упорные вести об угрозе, у султана не было выбора, кроме как выступить и

встретиться с врагом; но не успел он далеко удалиться, как уж и встретился со своей судьбой. Когда султан дошел до Ак Сарая и снаряжался луком и колчаном стрел, его задушили; и, как говорят, он призывал на помощь Мевляну. Случилось так, что в тот самый час Мевляна был погружен в экстаз мистического пения, и во время тайнодействия велел принести себе замазки, которой он заткнул одно ухо, другую порцию замазки отправил в другое ухо, и тогда он уже ничего не слышал, как говорят. Чуть попозже он сложил с себя верхнюю одежду в придверье и созвал учеников совершить молебен по мертвым. В завершение всего этого ученики пожелали узнать, почему их наставник затыкал себе уши и справлял обряд по умершим. Он ответил: «Я замкнул себе слух, потому что слышал зов султана (хотя место действия отстояло за много миль), молившего меня о помощи, а помочь я ему не мог, поскольку такова была Божья воля, чтобы он умер (это был тот самый султан, который взял своим духовным отцом другого человека невзирая на то, что прежде был воспринят духовным сыном Мевляны, чем публично причинил обиду наставнику), и молитва была о душе султана».

Таинственный полет

Рассказывают также, что незадолго до того случая Мевляна просидел со своими учениками с раннего утра и до поздней ночи в мистическом собрании, открывающем слышанье. Ближе к завершению собрания святой Чалаби Хисамуддин начал впадать в дремоту. Заметив это, Мевляна подстелил ему свой плащ, чтобы тот прилег на покой, и Чалаби провалился в сон. Во сне ему привиделась большая белая птица, она захватила его когтями и подняла в вышние надземные сферы столь высоко, что земля казалась маленькой точкой. В той сфере птица опустилась на вершину горы, такой тучной и пышнозеленой, словно Бог создал ее из большого зеленого самоцвета. На вершине этой горы Чалаби увидел голову, подобную человеческой; и затем птица вручила Чалаби меч, говоря, что он должен отрезать эту голову по шее. «Сие, – добавила птица, – есть веление

Бога». Чалаби спросил у птицы, кто она, и получил ответ, что птица – спутник Гавриила. Чалаби, исполнив веленое деяние, подхвачен был птицей и доставлен назад на землю, на то самое место, откуда взлетел выпрыг. Когда Чалаби проснулся, то увидел стоявшего рядом с ним Мевляну.

Часть большего целого

Повествуют также, со слов святого шейха Махмуда Наджджара Благочестивого, что однажды Мевляна держал речь о возвышенных материях

мистической философии, когда на месте действия появился великий мудрец Шамсуддин; и Мевляна поприветствовал его, говоря: «Он (мудрец) часто говорит о Боге и Его манифестациях, и сейчас, в этот раз, он услышит о Боге напрямую (через того, на ком вдохновение). И, – говорил Мевляна, – настанет день, когда слова Бога будут постигаться непосредственно, без шейха в качестве толмача... потому что Сущий Шейх – это только Он, и Он – есть Он, и Шейх – суть одно Единое; и Единство означает, что ученики и шейхи – все это часть большего Целого; и То, и Это, и Он, и Кто – это только слова и иллюзии»; и он продекламировал следующую строфу:

Он, Величайший Царь Царей,

Как думали люди, скрыт за дверью

Запертого дома существования.

Но облаченный в рубище дервиша

Глас может открыть тайну

Всецаря.

Повествуют также, что шейх Махмуд поведал, как однажды в семинарии шейха Садруддина сошлось собрание для тайнодействия мистических слушаний, на котором присутствовал и Мевляна; и накатывающие звуки достигали невероятных ступеней, выталкивая накал чувств на высшие уровни. Камалуддин намекнул, что, при всем величии Мевляны, в его ученики не входят люди с высоким положением, а входят или плотники, или портные, или ремесленный люд еще более ничтожного рода. Когда отпущенное им замечание довели до сведения Мевляны, он во всеуслышанье окликнул Камалуддина, говоря: «Если так, то и Мансур не был человек большого публичного веса, с денежной точки зрения, как не был и шейх Абу Бакр (не Халиф), служивший простым плотником; и тем не менее, упоминая их имена, ты прибавляешь "благослови их имя!"; и это так потому, что они были мужи великих мистических достижений. Каким же образом их ничтожное ремесло унижало их духовные достижения?» Сделавший замечание, сам себя устыдился и испросил прощения.

Встряски

Опять же рассказывают, что как-то раз некий человек по имени Камал (что значит «совершенство») в собрании оборотился спиной к ученикам Мевляны из бедных; и не обращал на них внимания. Мевляне это не понравилось, и он крикнул: «О ты, о Бай-Камал!» («бай» придает противоположное значение слову «камал», то есть, «лишенный совершенства» – игра слов), и голос Мевляны напугал его до такой степени, что он, Камалуддин, упал на каменный пол, пребольно стукнулся головой и испросил прощения. Мевляна простил этого человека и подарил ему свой плащ и тюрбан, и тот стал приверженным учеником.

Смирение

Также рассказывают, что в одной из своих речей Мевляна сделал упор на достоинствах и необходимости держать себя скромно в жизни. Деревья, сказал Мевляна, которые тянутся в воздух и только и гордятся что своей высотой, могут не быть плодоносны; но у тех, что приносят плоды, ветви тянет к земле тучность их плодов, сиречь, доброта их породы. Вот по той-то причине Пророк Мухаммад (мир ему!) был вежлив и кроток в высшей степени; итак, он превосходил других пророков и в этом отношении, и в том, что был, как бывает истинный дервиш; и он сказал: «Всегда обходитесь с людьми учтиво и с кротостью, и смотрите, чтобы никто не пострадал от вас (ни материально, ни духовно)»; и вот поэтому, когда во время покушения, устроенного на него недругами, Пророку выбили зуб, он лишь молился Богу, чтобы Всевышний наставил его народ на прямой путь, ибо, добавлял он: «Они не знают прямого пути»; и, конечно (вместо того, чтобы клясть их или молитвой призывать гнев Божий обрушиться на их головы), он их любил и просил Бога не о погибели для них, но о том, чтобы привести их на стезю прямую, и сам он простил их. По этой причине сказано, что прежде, до Пророка, никто не искал смиренномудрия для человечества более истово, и Мевляна продекламировал:

Человек сотворен из глины,

А не будь глины,

Из чего бы тогда изваяли его форму.

Упоминание «глины» говорит здесь о том, что глина и земля всегда внизу, «под», а не вверху, «над» – подобно воздуху, свету и небу; итак, глина

поставлена в «униженное положение» и остается в смиренном положении, не то что огонь, который возносится ввысь горделиво и заносчиво. Суть здесь в том, что, раз человек сотворен из глины, ему надлежит всегда держать в узде свое Эго: не возвеличиваться и не выставлять себя с заносчивостью и сановной или родовой спесью; итак, смирение – это и естественное положение человека, и добродетель. Это смирение, однако, не означает самоуничтожения, ибо индивидуальность должна быть сохранена; как высокие деревья сохраняют свою высоту; хотя высота сама по себе не добродетель; и значит, чтобы прибавить высоты и прибавить к высоте плоды, нравам суфиев предписывается смиренность и в мысли, и в действии.

Учтивость

Рассказывают также, что другой характерной чертой Мевляны было его большое расположение к малым детям и совсем древним старухам: он их особо жаловал, проявляя к ним учтивость и приязнь. Обходительный свой обычай он распространял на всех, независимо от религиозных конфессий, расы или положения в обществе, и относился к любому человеку с уважением и на равных. Однажды, например, его путь пересекся с армянской женщиной-христианкой, совсем преклонных лет. При виде ее согбенной фигуры Мевляна остановился, уважительно обнажил перед ней голову и отбил ей семь поклонов; в ответ на это старая воздала мудрецу из мудрецов тем же. А как рассказывают, что крайне вежливо обходиться с малыми детьми и старыми женщинами и давать благословение было в обычае Мевляны, пусть даже они иной веры, то, в другой раз путь его привел к нему некоего армянина по имени Тамбал («ленивый»), и Мевляна обошелся с ним с изрядным уважением, и тот поприветствовал его семь раз, также и Мевляна воздал ему равным числом поклонов. Опять же рассказывают, что однажды Мевляна шел по улице и увидел стайку играющих детей; завидев Мевляну, они поспешили к нему со своими поклонами, на что Мевляна откликнулся со всем благорасположением. Один малец, видя Мевляну, но не поспевая за всеми, закричал, чтобы они подождали, пока не добежит и он. Мевляна пошел маленькому сорванцу навстречу.

Бывало, Мевляну обвиняли в том, что он отошел от Прямой Стязи, следуя своим мистическим практикам; и крепко возражали против представлений, пения и музыки в его собраниях; но на все эти возражения Мевляна ничего не отвечал, и все эти хулители сошли с круга земного, как будто их и не было; тогда как учения Мевляны пребудут до Конца Времени.

Рассказывают также, что однажды один из учеников справлял у себя обряд мистического пения в честь Мевляны; и Мевляна, подойдя к его воротам, подождал, пока все не войдут, потом сам вошел в дом, и собрание велось с жаром и привело к желанной цели; и на ночлег Мевляна остался в доме гостеприимца, а тот весьма возрадовался, что подобный учитель оказал ему честь.

Святой Хисамуддин спросил, почему Мевляна поджидал у ворот, пока все не войдут; на это Мевляна ответил, что он так поступил потому, что, войди он первым, привратники не впустили бы остальных из уважения к нему. И тогда его ученикам из бедных преградили бы всякий подступ к нему и к стяжанию пользы от его проповедей и молитв. Он добавил, что если не может сделать учеников из бедных вхожими в дома его богатых учеников, то как он может надеяться стяжать для таких людей, малозначимых в материальном смысле, допущения в рай. Фактически, он подразумевал то, что в этой жизни, где царит материальное, о людях судят в меру их денежной состоятельности и достатка, а если людей, которым всего этого недостает, не допускать до его собраний по причине их бедности, то они лишатся благодетельного дара молитвы и служения, творимых на его встречах, и у них отыметя возможность приобщения – итак, если они не соучаствуют, само собой очевидно, что степень вероятности рая для них умалется. Мевляна, следовательно, прибавлял вероятности более бедной братии своего ордена стяжать добродетель, присоединяясь к нему в молитве и бдениях слушания, творимых у него в собраниях; и дожидался, пока они первыми не войдут в дом богача, из боязни, что войди первым он, двери захлопнут и бедным людям прохода не будет. Ученики, дорожа той заботой, которую он оказывал и самым малым из них, отвечали Мевляне большой благодарностью.

Милосердие

Рассказывают также, что однажды Мевляна послал ходатайственное письмо ученику-сановнику, парване; прося за одного человека, совершившего убийство; на это ученик ответил, что сие лежит вне круга его полномочий; Мевляна отписал ему с таким изъяснением, что тот, кто убивает, лишает жизни; и он должен зваться сыном Азраила – ангела смерти, который отнимает человеческие жизни. Значит, рассуждал Мевляна, один таковой, будучи сыном другого такового, не может не отнимать жизнь, ибо так он исполняет свое предназначение. Сановник остался доволен этим рассуждением и признал, что того человека можно помиловать, если сородичи убитого согласятся на возмещение. Из этого никак не следует, что

Мевляна мирился с подобными преступлениями, но он хотел указать на то, что человека можно по закону отпустить, если его сородичи удовольствуются ценой крови, – законное правовое положение того времени и места.

Внутреннее око

Повествуют также со слов Мевляны Шамсуддина Малти, что однажды Мевляна вел в семинарии речь о мистических материях, когда сказал, что Шамсуддина он очень любит, но у того есть один недостаток; и тогда Шамсуддин взмолился просветить его относительно этого недостатка, и Мевляна сказал: «Что бы ему (Шамсуддину) ни попало под руку или на глаза, будь то вещь или человек, он мнит, что это ниспослано Богом как наивысшее благословление»; и затем Мевляна продекламировал такие строки:

Раз у многих людей

Нутро от Сатаны,

То надо ли каждого восхвалять

Как святого?

Когда твое Внутреннее око

Прозреет –

Суший Учитель тебе откроется!

Базарные ряды

После этого Шамсуддин стал более приверженным учеником; и согласился с тем, что правду сказал Мевляна, потому как, имея духовную жажду, он искал общества любого мнимого учителя, но сказанное Мевляной отверзло ему глаза на сущую природу настоящего учителя. В тот день Мевляна продекламировал следующие стихи и задал всем своим ученикам запечатлеть их в памяти. В них говорилось:

В этих базарных рядах

Торговцев тайными зельями
Не бегай туда и сюда
По торжищу,
Но сядь лучше перед лавкой
Того, кто предлагает истинное лекарство!

Самообман

Рассказывают также, что однажды Мевляна держал мистическую речь относительно высказывания великого учителя Баязида (мир его душе!), восхвалившего Пророка Мухаммада не только за его чудеса – когда он делил луну, сращивал деревья или слышал голоса растений, – но, паче того, за его запрет своим последователям на употребление вина, ибо совершающий доброе деяние стяжает большую добродетель, если он первый, кто стал так делать, вот и Пророк, если бы видел нечто доброе в винопитии, стал бы для всех в этом деле наипервейшим примером; но как был Пророк Учеником Бога, то он и слушался Бога и наставлял своих единоверцев делать так же; и Мевляна продекламировал следующую строфу:

Если твое воздержание от вина
Только на день или два (это не более чем
самообман),
Небесный свет ты утопишь
В том, что есть собою вино;
Всеместно дурно оно и
Порочно, отчего для всех и делается
запретным.

Богатство и нищета

Повествуют также, что те, кто вел изо дня в день записи о происходившем на подворье Пророка Мухаммада, передают следующее: однажды халиф Осман жаловался Пророку на то, что его богатство день ото дня приумножалось без меры; вопреки творимой им милостыне и подаванию на бедных, добро в его казне не скудело. А как «многое богатство не дает душевного покоя, – продолжал Осман, – то как же мне обрести тот мир и покой, которые дает бедность, если это богатство будет приумножаться?» Рассказывают, что Пророк в ответ сказал: «Иди, о Осман, и умышленно поступай неблагодарно за данное тебе Богом, и этими поступками богатство твое скоро убудет». Осман сказал, что, взяв давно в привычку творить милостыню и помогать бедным, он не сможет усвоить себе другого повседневного поведения. В ответ на это Пророк продекламировал стих из Корана, гласивший, что казна благодарного за то, чем благословил его Бог, всегда будет приумножаться, а неблагодарные будут сурово наказаны; итак, по святой книге Корана, творящим милостыню обещана великая награда; и, по его (Пророка) словам, благодарным за то, чем благословил их Бог, воздастся еще и еще. Мевляна по этому случаю изрек такую строфу:

Неблагодарность забирает богатства

У тебя из рук,

Но благодарение всегда воздаваемо

И воздается –

Ибо ты ближе всего к Богу,

Когда челом касаешься до земли

В изъявление благодарности Господу твоему.

И Пророк сказал затем Осману: «Иди себе, о Осман; этой твоей казне, что приумножается, только и есть что приумножаться, ибо ты милостив и щедр». После чего Осман, в благодарность, подарил общине триста верблюдов со всей сбруей и прикладом, и Пророк благословил его. Вслед тому Мевляна упомянул о днях своей молодости и об обычае тогдашнего правителя, по имени эмир Мойнуддин Сулейман, которого Мевляна сравнил с халифом Османом. Правитель этот помогал дервишам, ученым мужам, странникам, нуждающимся и недужным и царил в сердцах своего народа, а тот, в свой

черед, молился за своего правителя, отчего любое начинание эмира пожинало успешные плоды. Один из учеников, благословенный немалым богатством, доволен был той хвалой, которую Мевляна воздал правителю страны, и, изъявляя свое уважение и признание мнения Мевляны, он приложился к стопам Учителя и подарил две тысячи динаров на облегчение нужды менее благосостоятельных учеников, в подаяние на бедных и нуждающихся, ученых мужей и дервишей.

Сияние

Рассказывают также со слов Шамсуддина Муалима, как однажды, обратясь к ученикам, Мевляна привел им речение Пророка о том, что сердце верного, наполняясь Божественным сиянием, становится изобильным и приносит плоды благочестивых мыслей и дел. Пророка спросили, как можно определить, вошел ли в сердце человека Божественный свет? На что он ответил, что подобный человек утрачивает все мирские желания и удовольствия мирского характера теряют для него всякий соблазн. Он становится ничьим среди друзей и сородичей, и он ни на кого не рассчитывает и ни от кого ничего не хочет.

Собаки-слушатели

Также передают, что однажды Мевляна держал слово о мистических материях ко всем и каждому на перекрестке дорог, и его речи привлекли к себе множество людей; потом он отвратился лицом к придорожной стене и ушел в созерцание. Так он пробыл до заката, после чего обратил взгляд на кучку бездомных собак. Собаки виляли хвостами и, казалось, внимали ему: подметив внимание даже у животных, Мевляна сказал: «По величию Бога, по могуществу Его, Его, Кто имеет власть надо всем, и Его, без Кого нет ничего, эти собаки тоже обладают способностью воспринимать мистический смысл. После этого не зовите их псами, но соплеменниками того животного, что умерло вместе с праведниками пещеры Каф»* (имея в виду превосходную степень преданности, которой достиг пес праведников пещеры Каф – Семерых Спящих, ибо пес этот не покинул своих хозяев и издох в пустыне от отсутствия корма и питья). Здесь качество преданности предуказано как обязательное; после этого Мевляна изрек:

Не будь любовь пса к своему хозяину

Превосходной в верности,

Как мог бы какой-то пес
Достичь величия Пса Праведников.
Если псу пристало идти путем верности,
Каждая шерстинка на нем
Сравнится с гривой льва.
Стены мечети вразумились тайной,
Лучше ослепни глаз,
Не осязающий лучей этого света.
Стены и двери сознают истину,
Ибо сделаны они не только из стихий земли,
И воздуха, и воды – как материальные вещи.

Скоро многие ученики Мевляны сбились вокруг него, и он им всем рассыпал приветствия, говоря: «Сюда, сюда, возлюбленный явился, сюда, сюда, сад в цвету», и они перед ним почтительно склонялись. Толкуя им о мистических материях, он держал вместе с ними путь в семинарию, где всю ту ночь они провели в собрании, погружаясь в таинство слушаний и поэтических чтений. В экстатическом порыве он вскричал: «Милосердным Богом клянусь, как пекутся о святых и праведниках, так эти люди пекутся обо мне – нестоящем человеке, – возможно, они мне оказывают великую доброту!»

Чудодейственный коль*

Рассказывают также, что Хисамуддин Чалаби, получивший особое научение от Мевляны, поведал, как однажды Мевляна заметил, что у Бога есть особый коль, который, когда кто-то подведет им глаза, раскрывает тому явное и сокровенное зрение, и тот провидит тайну бытия, и проникает смысл скрытых вещей; и Он может даровать таковой коль, кому Ему угодно, лишенный же этого дара никогда «не увидит и не воспримет смысл» чего бы то ни было; и потом Мевляна изрек:

Без милости Божьей и милости тех, кого Он

принял,

Будь это хоть единоподержец-монарх – его
жребий пуст.

Без Божественной милости глаз меркнет,

Без Божественной милости узел не развязать.

И потом Мевляна сказал: «От взгляда шейха обрети просветление или уйди с
глаз долой». Затем он изрек такую строфу:

Если ты ищешь свет,

Приготовься.

Но если ты ищешь лишь самого себя,

Уйди глаз долой.

Чтение мыслей

Мевляна Сираджуддин рассказывает нам, что однажды он вошел в сад
Хисамуддина и принес оттуда букет цветов, потому как думал, что Мевляна,
наверное, в доме Чалаби. После этого он вошел в дом и обнаружил, что
именитые ученые мужи сидели с Мевляной, и Мевляна держал речь о
сокровенном смысле вещей, а ученики вели за ним записи; и «я забыл
цветочный букетик, завернутый, как он был, у меня в платок», – продолжал
Сираджуддин. «Мевляна, – повествовал он далее, – обратился ко мне лицом
и заметил, что любой, кто идет из сада, должен принести с собою цветов, как
любой, кто идет из лавки торговца сладостями, надо думать, принесет каких-то
сладостей». Он, Сираджуддин, оторопел от этого замечания и, поклонившись
Мевляне, положил перед ним цветы; после чего были петы мистические
стихи.

Все человечество

Подобным образом рассказывают, как однажды в доме шейха Сираджуддина
Мевляна изъяснял о том, что все части тварного мира сопричастны
существованию друг друга – и ничто не существует особняком и
непривязано, – так что, когда Пророком говорилось в молитве: «Господи,

направь свой народ, ибо они не ведают», Мевляна высказал замечание, что под словом «народ» разумеется все человечество, ибо если составляющее само в себе не едино, то оно не может составлять единого целого, имея в виду, что все взаимозависимо; и он продекламировал строфу:

Всё-всё

Сродни одно другому и Дервишу.

Будь это не так, как мог бы быть Дервиш?

Особая мистическая проекция

Рассказывают также, что однажды Мойнуддин обратился к сыну Мевляны с просьбой, не уговорит ли тот отца «дать ему, Мойнуддину, особую мистическую проекцию». Сын Мевляны передал просьбу отцу, который ответил, что ведро на сорок человек не может опорожнить залпом один; это значит, что один не выдержит напора мистической силы; сорок человек могут вынести этот напор, а один человек не сдержит сияния «мистического света» и не сможет его укрепить в себе по причине великой мощи этого света. Сын воздал благодарностью и сказал, что не знал бы этого, не попроси об одолжении за ученика.

Притча о плодовых деревьях

Рассказывают также, что как-то один ученик пришел к сыну Мевляны и сказал, что весь ученый люд, обитавший в Кони, горел желанием выслушать и стяжать благо от проповеди Мевляны, и, дескать, пусть он попросит отца обратить к ним свое слово. На что Мевляна ответил согласием, заметив, что люди, обратившие свое сердце к подобной нужде, явили тем свою ценность, подобно деревьям, чьи ветви, отягощенные плодами, смиренно пригибаются долу, дабы плоды их принесли пользу*. Приниженность придала им «смирение»; они не такие, как те, чьи ветви вознеслись в небесный зенит в «гордыне и своекорыстии, и посему пребывают в бесплодности», а будь эти люди подобны таковым, они не пригласили бы его обратиться к ним слово.

Память и действие

Передают со слов праведного сына Мевляны, что как-то один эмир, известный под именем Мойнуддин, приступил к Мевляне с просьбой дать ему совет, дабы он мог стяжать через это благо как народоначальник. Недолго помолчав, Мевляна сказал: «О эмир, я слышал, ты знаешь на память священный Коран». На что эмир отвечал утвердительно. Снова Мевляна спросил, так ли это, что эмир выучил все предания о Пророке** от ученого шейха Садруддина, и эмир ответил, что это так; тогда Мевляна сказал правителю: «Ты знаешь все заповеди Бога по Его священной книге Корана, знаешь ты и речения Пророка; но в них ты не снискал мудрости и не действуешь согласно велениям, которые в них содержатся. Теперь ты просишь меня дать совет, но как ты сумеешь действовать по нему, когда в уме твоём нет послушания большим авторитетам?» Эмир разразился рыданием и испросил прощения у Бога; и впредь с той поры поступал по справедливости, творил милостыню и прослыл своим благочестием; тогда Мевляна велел устроить мистические чтения.

То, что явно, и то, что скрыто

Рассказывают также, что однажды ученые мужи города, завидовавшие авторитету Мевляны, обратились к Великому кади, говоря, что известные практики пения и мистических танцев, как им следовали в семинарии Мевляны, не были каноничны; и что, в любом случае, они желают испытать глубину знания этого мистического наставника в области настоящей учености – как она постигаема обычным человеческим разумом. Великий кади посоветовал недоброжелателям и несогласным оставить это дело, ибо в учении о том, «что явно и что скрыто» Мевляна не имеет себе равных, но те упорно настаивали, что достижения Мевляны надлежит испытать; итак, они составили несколько «экзаменационных листов» для Мевляны. Вопросы охватывали все известные науки: математику, философию, астрономию, метафизику, литературу, поэзию, логику, право и другие. Эти вопросы были переданы Мевляне через посыльного турка, который нашел мастера сидящим у крепостного рва возле султанских ворот и штудирующим книгу. После подобающего приветствия, гонец передал Мевляне вопросы и стал ждать. Мевляна спросил себе перо и чернил; и дал ответы на каждый вопрос с такой глубиной и всесторонним пониманием, подкрепляя необходимыми ссылками на первоисточники, что, когда преданные бумаге ответы были получены ожидавшимися, те были поражены полнотой ответов и совершенно посрамлены. В отношении правомерности игры на музыкальных инструментах – в особенности на рубабе (виоле) – в свете ортодоксии ответ Мевляны был исчерпывающим и убедительным; и он не упустил удобного

случая, чтобы на обороте длинного ответа провозгласить хвалу рубабу, как инструменту, тембр которого и музыка содействовали эзотерической атмосфере, и добавил, что игра на нем должна была помочь его мистическим друзьям в области концентрации и что на эту жизнь наставника он подвигся, чтобы помогать своим, и не по какой иной причине; ибо помогать людям и есть задача настоящих «любителей благочестия»; и процитировал следующие стихи:

Знаешь ли ты, о чем поет рубаб,

Слезы роняет, сердцем дрожа?

Несогласные, чувствуя себя «опровергнутыми» и пристыженными, испросили прощения у Великого кади; и пятеро из них стали преданными учениками Мевляны; ибо теперь они убедились, что ученость Мевляны была совершенной во всех отношениях.

Чудо паломничества

Сообщают также, что одна группа совершавших паломничество в Мекку возвратилась назад и, дойдя до Конии, паломники ходили туда и сюда, посещая мужей благочестия и знания, наведались они и к Мевляне. Все еще облаченные в одежды паломников, ахрам, путники подошли к дому и, когда их взгляд упал на Мевляну, сидящего у порога, они, совершенно изумленные, в один голос возопили «Аллах акбар!» (Аллах велик!) и в избытке чувств потеряли сознание. Когда они очнулись, ученики спросили их о причине, и паломники сказали: «Воистину, это тот самый человек (Мевляна, в одежде паломника), который стоял с нами, справляя все обряды в паломничестве, и иногда руководил нашими молитвами; он нас препроводил до гробницы Пророка в Медине, хотя сам не трогался с нами в путь из этого города, и не делил с нами трапез, и не ночевал с нами». Как известно из суфийского Знания, мистический опыт позволяет великим суфиям быть в двух местах в одно и то же время.

Рассказывают также, что один из городских купцов, преданный ученик Мевляны, отправился в паломничество в Мекку. Срок паломничества подходил к концу; и жена купца приготовила сладостей и раздала их бедным и родичам как благодарственное воздаяние за ее отсутствующего мужа-паломника. Часть сладостей отправили Мевляне, и он пригласил других

учеников отведать их, а еще и уделить себе по порции на память об этом дне. Ученики угощались, сколько хотели, но сладостям не было конца; и потом Мевляна поднялся с блюдом на плоскую крышу семинарии и – никого не видя воочию – бросил в воздух зов «взять свою долю». Спустившись к сидевшим внизу ученикам, он сказал, входя без большого подноса с яствами, что угостил купца, совершавшего в то время паломничество в Мекку. Вполне естественно, этот поступок немало озадачил учеников.

Когда купец возвратился домой, совершив паломничество, он пришел засвидетельствовать почтение Мевляне, который был доволен, услышав от паломника, что в доме у того все в порядке. Позже, когда слуги купца-паломника распаковывали его дорожный скарб, жена заметила поднос среди пожитков, подивилась на это и спросила, как этот поднос попал в поклажу. Купец сказал, что однажды, когда он стоял на стоянке под Меккой и был в обществе других паломников, то увидел, как поднос, полный сластей, просовывается в полог его шатра; и владелец руки, просунувшей поднос, не обнаружился, хотя слуги сразу выбежали наружу, чтобы посмотреть, кто был гонцом с подносом. Муж и жена, дивясь на эту манифестацию, пришли к Мевляне и дополнительно выразили свою преданность наставнику, на что Мевляна заметил, что всем этим они обязаны своей верности ему, так что Бог в своем величии сподобил его совершить этот чудесный поступок.

Последнее слово Мевляны

Рассказывают также, что однажды после пятничной молитвы Мевляна держал большую проповедь, когда один человек, приобретший некоторое знание в религиозном учении, заметил, что бывают, конечно, такие, кто готовят свои проповеди на заранее выбранные темы; и, заучив на память те или другие стихи из Корана, цитируют их, чтобы произвести впечатление на слушающих; но иного рода те истинно ученые люди, кто может держать речь на любой коранический стих, на какой ни сошлись.

Услышав такое замечание, Мевляна попросил того человека прочитать любой коранический стих, о каком держать слово; и на это человек прочитал стих из суры Ад Духа (Утро), который звучит так:

В знак проступающего (ореола) света утра,

В знак тьмы густеющей покровы ночи...*

Мевляна повел столь великолепную речь на тему этого стиха, что все почувствовали волнение наивысшей степени, и речь его продолжалась с раннего полудня вплоть до вечерней молитвы, обнаруживая его великое мастерство в комментировании Корана. Вопросатель молчал, не находя слов; его вместе с другими, слышавшими это мастерское толкование, охватил экстаз, после чего, приложившись к подножью возвышения, на котором сидел наставник, он попросился стать его учеником. Часто говорят, что это было последнее слово Мевляны, но иные не соглашаются и утверждают, что Мевляна изрядно прожил после этого дня.

Память о смерти

Рассказывают также, что в те времена умер один именитый человек из Конии, и Мевляна был в траурной процессии, хотя и не входил в дом, где случилась смерть, дожидаясь, чтобы вынесли погребальные носилки и шествие направилось на кладбище. У ворот дома покойного стоял Камалуддин и приветствовал тех, кто пришел присоединиться к процессии; и когда наконец останки должны были опустить в могилу, Мевляна, стоявший поодаль, попросил всех преклонить слух к надгробному слову, и призвал также Камалуддина; затем он сказал: «Допустим, что некоего Садруддина и некоего Бадруддина (уже умерших) попросили бы предстать из могил, мог ли бы кто сказать, пребудет ли на ком из них «сияние и благодать Божья», когда им впервые зачтут свитки Пишущих Ангелов; ибо все "отошедшие" уходят, унося с собой и добрые дела свои и дурные поступки; итак, необходимо помнить о Судном дне (Дне различения) через помышление, что и этот покойный будет судим по его делам».

Сей наглядный урок, так преподнесенный тем, кто ему внимал по этому случаю, оказал глубокое действие. Камалуддин, ближайший родственник умершего, потерял сознание под напором слов Мевляны, а многие из тех, кто до той поры были неверующими, вызвались стать учениками Мевляны.

У горячих источников

Записано также, что в обычае у Мевляны было каждую зиму отправляться на сорок или пятьдесят дней на речное побережье, где били горячие ключи. Обычно в том месте Мевляна давал своим ученикам оккультные лекции. Во время иной из его речей утки на реке частенько поднимали гвалт и перебивали лекцию; и вот однажды Мевляна шикнул на уток и сказал им, пусть либо они говорят, либо ему дадут говорить. Птицы немедленно

замолчали, и лекции продолжались, а когда, наконец, лагерь свернули, Мевляна вышел на берег реки и сказал уткам, что теперь-то они могут галдеть сколько влезет, птицы в ответ подняли свой обычный гвалт.

Корова ищет спасения от мясников

Рассказывают, что однажды городские мясники купили корову и собирались ее зарезать; но корова стала жевать свою веревку, пока не порвала ее, и побежала по улицам, а мясники помчались за ней, пытаясь поймать животное. Но быстроногую корову было не изловить, и целая толпа гналась за ней из улицы в улицу. Так случилось, что по одной из улиц шел Мевляна, и корова ринулась напрямиком к Мастеру и встала. Мевляна принялся оглаживать скотинку, и корова смирно стояла, не порываясь к бегству. Мясники, выбежав к ним, с облегчением удостоверились, что животное изловлено, и, поклонившись, ждали, что корову им тут и вручат. Но Мевляна решил по-другому. Он велел мясникам корову не убивать, а оставить беглянку в покое, ибо она прибегла к нему за спасением. Они повиновались наставнику, и Мевляна тогда сказал: «Поскольку даже бессловесная живность может спастись теми, кто "любит Бога", насколько же более того могут быть спасены и наставлены на прямой путь люди, следуя Божьему Человеку». Речение это так подействовало на учеников, что они ощутили присутствие мистического влияния, и тут началось тайнодействие мистических слушаний, на котором слушатели, в экстазе, отдавали с себя рубашки поющим; и притом передают, что корову ту больше в Конии не видели.

Куда лежит путь

Рассказывают также, что шейх Синануддин Наджжар, который был одним из великих учеников, передавал, как однажды Мевляна сказал, что любящие Бога уничтожаются и «поглощаются» пылом Божественной любви; те же, кто любит вещи, обреченные тлену (потому как вся материя обречена тлену, и все сыновья и жены должны умереть, и всякая вещь тварного мира перестанет быть – всё, кроме Божьего Лица), – таковые «поглощаются» и уничтожаются этими материальными вещами и перестают быть.

Бог создал все что есть из ничего, и в ничто оно все и должно возвратиться. По преданию, в том же собрании Мевляна, услышав голос странствующего дервиша, заметил: был ли это голос, или это было эхо вещей мира сего – мира преходящих вещей? В этом же собрании Кутбуддин спросил, каков Путь Мевляны, и получил ответ, что его путь – умереть, как и все другие, и

взять с собой на небо то благо, какое стяжал он своими поступками, – для награды или наказания – как получится. Ибо дальше Мевляна сказал, что пока человек не «умер» – или не стал хозяином своих желаний, управляя ими и очищая себя, – он не достигнет цели, ему предназначенной. Тут Кутбуддин заплакал и спросил, каким путем пристало идти ему, и Мевляна прочитал ему следующие стихи:

Я спросил о пути -

Он ответил – ищи,

Я спросил его снова:

Где Путь пролегает, скажи?

Он ответил:

Ступай и ищи.

Затем, повернувшись ко мне,

Он сказал:

Ты – Искатель, и долог твой поиск,

Все время ищи и отыскивай снова.

Кутбуддин разволновался сверх всякой меры и с тех пор стал признанным учеником Мевляны.

Мать-Земля

Рассказывают также, что, когда один из главных учеников Мевляны умер, его соотечественники обсуждали между собой, следует ли предавать покойного могиле в деревянном гробу или без гроба? И, не придя ни к какому решению, обратились за советом к святому Карамуддину. По его мнению, тело следовало предать земле без деревянного гроба, ибо, изъяснил он, подобно тому, как любовь матери больше любви брата, так же и мать-Земля будет с большей любовью держать сына у лона, нежели дерево гроба, ибо дерево создано из земли и, стало быть, является «братом по творению». Мевляна, когда услышал такое решение, похвалил святого и сказал, что ни в одной книге никогда не встречал подобного толкования.

Сознайся в содеянном...

Рассказывают также, что Великий кади и главный правитель, достославный Камалуддин, который был величайшим авторитетом в области права в той стране, отправился в Конию. Повидавшись с главой города по имени Изуддин Кайкаус, он воспользовался своим пребыванием, чтобы познакомиться с местными учеными мужами, такими, как Шамсуддин, Зинуддин Рази и Шамсуддин Малти. И он объявил, что эти мужи, благочестивые и знающие, донесли до него настоятельную необходимость повстречаться с Мевляной, и тогда он изыскал время на посещение этой великой личности.

«Как только я вошел в дом Мевляны, – рассказывал Великий кади, – я обомлел от благолепия лица этого великого мудреца; и Мевляна встал, чтобы оказать мне благоучтивый и сердечный прием, и приветил меня, говоря:

Ты бросил нас, сознайся в содеянном!

Не видишь разве ты, как захватили мы твое
вниманье?

Потом Мевляна заметил, что милостью Господа кади достиг великих знаний и авторитета и сделал огромный вклад в познание и благочестие. А затем, – добавил Великий кади, – Мевляна повел речь о понятиях настолько возвышенных, подобных которым я никогда не слышал и не читал, и, будучи под сильнейшим впечатлением, я вместе со своим сыном Атабеком и несколькими сановниками стал учеником Мевляны. По возвращении в свою резиденцию, я все время чувствовал "тягу" к Мевляне, и мне было не по себе до тех пор, пока я вновь не предстал перед этим великим наставником. Тогда я распорядился устроить большое собрание с мистической музыкой, чтобы почтить моего великого Мастера; и по сему случаю созвал пребольшое число именитых мужей учености города Кони.

Так как число приглашенных было преизрядно, все должно было быть устроено на широкую ногу. Особенно нам предстояло позаботиться о прохладительных напитках: мы добыли несколько сахарных голов готовить шербет, но насчитали у себя не более тридцати больших чаш. И тогда, – продолжал Великий кади, – мне пришлось просить Первую даму, супругу

градоправителя, одолжить нам еще несколько больших сосудов для этой цели, поскольку предстояло принять значительное количество народу. Для особо почетных гостей я собирался приготовить специальный прохладительный напиток из меда; и, раздумывая, что придется утолять жажду многих, я гадал, достаточно ли мы имеем на этот случай. И тут, о диво, я вижу, как в дом входит Мевляна – как будто из ниоткуда, и решает задачу, сказав, чтобы мы просто добавили воды к уже имеющемуся; и, сказав так, он "исчез"; слуги и домочадцы выбежали его искать, но его и след простыл. Поступая согласно поданному совету, мы вылили весь шербет в металлический чан в мечети и просто разбавляли и разбавляли его водой; и я приказал слугам время от времени пробовать воду и остерегаться слишком перелить воды; и случилось чудо из чудес: чем больше доливали воды, тем слаще становился шербет в чане! Мы доливали и доливали воду, пока не почувствовали, что исполнили меру, и все мы были поражены этим "чудом", сотворенным Мевляной. Как бы там ни было, музыкальное тайнодействие справлялось с раннего вечера до полуночи, закружив гостей в невиданном экстатическом порыве, и все это время я и Мойнуддин усердно поили всех прохладительным напитком, и Мевляна изрек следующие стихи:

Любви дыхание струится теплым током,

Благоухание распространяя и даруя

Всем просвещенным разом отпущенье.

Пей Влагу жизни – Жизни вечной!

По мере того, как мистериальное пение набирало силу, и все мы отдались неистовству мистического движения, Мевляна привлек меня к себе в порыве дружбы и расцеловал в обе щеки, а затем прочитал строки из своей оды, в которых были следующие слова:

Если не знаешь меня –

Бессонные ночи мои спроси,

Лицо усталое и губы,

Что от томления спеклись,
С Возлюбленным разлучены.

Многие преклонили колени к стопам Мевляны с мольбой разрешить им стать его учениками; и мое земное добро приумножилось, и любовь моя к мистическому прозрению в высшей степени «утончилась», и душу посетили чувства, посрамляющие описание, как гласит арабская пословица: "Того, что приходит на сердце, язык порою не скажет", и, высказав это, я стал "слугой-учеником", и благословление снизошло на меня, и дверь двойного величия обоих миров открылась мне».

Чудо, явленное на свечах

Сообщают также, что однажды Мойнуддин праздновал тайнодействие слышанья и пригласил многих сановитых горожан. Все принесли большие свечи как свой взнос в праздничное освещение; и всем на удивление, Мевляна принес самую маленькую свечку, какую только можно себе представить. Никто ничего не сказал, но все недоуменно переглядывались, поскольку одни отнесли это на счет скарденности, меж тем как другие откровенно подумали, что Мевляна повредился в уме. Все это не ускользнуло от внимания Мевляны, который в конце концов заметил, что его свечка на самом деле – «живительный сок» всех свечей-великанов, принесенных другими. Дружески расположенные согласились с ним, но многие держались другого мнения; на что Мевляна сказал: «Вы не верите тому, что я говорю, – вот вам доказательство». И что слово – то и дело: о диво! весь зал утонул во мраке, поскольку Мевляна задул свою свечку. Тогда Мастер зажег свечку снова с тем результатом, что все большие свечи сами собой затеплились жизнью – к крайнему изумлению и замешательству всех собравшихся. Неверующие признали свое заблуждение, после чего тайнодействие мистических слушаний вспыхнуло с новой силой, так что собрание длилось всю ночь – все большие свечи изошли и истаяли, а свечка Мастера продолжала гореть, как прежде, ничуть не чадя и нисколько не тая. Многие в тот день стали учениками Мевляны.

Назначение имущества

Рассказывают также, что достославный глава школы теологии в Кайсари, муж благочестивый и знающий, приглашенный учительствовать в этом новом заведении, был одним из именитых учеников Мудреца (Мевляны). Он

передает, что однажды Мастер заметил, что непозволительно творить молитвы в мистическом собрании, когда Мастер все еще прибывает в «общении». А было то, что когда Мастер находился в этом состоянии, и ученики окунались в атмосферу «божественной» эманации, некоторые, оставя круг, начинали свершать молитвы, хотя слушанье Мевляной мистической музыки и его погруженность в мистическое состояние были равносильны творению молитвы или воздержанию в месяц мусульманского поста; посему Мевляна сказал также следующее: «... владея какой-то одной йотой от сияния Пророка Мухаммада, я говорю вам, что набожность – это не что иное как быть восхищенным Божественной любовью. Я погружен в атмосферу отрешенности от вещей материальных, чтобы само мое естество озарилось экстазом и радостью не от мира сего, чтобы ученики мои могли сопричаститься со мной этому сиянию, внимая мне и соприкасаясь со мной. Посему, когда вы находите подобного человека, считайте это за особый знак счастливого жребия и заставьте свое тело и душу сиять моей близостью, и воздайте благодарность за это соприкосание».

К тому Мевляна добавил, что не следует вовлекаться в бесполезные разговоры о том, на какое поприще правильно вступать и какого происхождения имущество; затем что главное дело в том, на что это имущество тратится. «Итак, – говорил Мевляна, – если от него ощущение, что оно в силках материальных интересов, и за ним не стоит никакой души, тогда – как бы законно такое имущество ни обреталось – оно "неправедное", низкопробное и презренное. Ешьте ваш хлеб так, чтобы хлеб не стал вашим господином; и, как сказал Пророк о Халифе Омаре по этому поводу: "Ешьте ваш хлеб подобно Омару: народ несет ему хлеб, и он несет народу служение"», и далее, в этой связи, Мевляна изрек следующие строфы:

Добрый кусок не меньше, чем самоцвет, дорог,

Когда снедаем во служение Богу.

А когда кусок наконец переварен,

Зловонию не давай выхода.

В мерзких делах –

Лучше замкни себе рот,

А ключ потеряй!

Чей кусок замешан на благочестии –

Добрый кусок тому достается добром.

Зрящее око

Рассказывают также, что некий Шамсуддин, ученый наставник, бывало, как уставится в лицо Мевляны во время мистических песнопений, так все время на него и смотрит, и когда Мевляна спросил, почему он не присоединяется к действию, ученик ответил, что не видит никого более достойного, на кого бы стоило смотреть, и ничто ему не доставляет большего удовольствия, чем взирать на лик Мастера. Мастер заметил, что приветствует такое чувство, но у его лица есть еще и другое лицо – внутренняя ипостась, на которой ученик должен сосредоточить свое внимание и прозреть в нем Свет Божьих тайн. Он добавил, что не всегда желательно пристально смотреть на ослепительно сияющее солнце, затем что сила света может помрачить глаза до такой степени, что способность зрения снова не возвратится; и попросту глазеть на внешний вид не дает «прозрения» сокровенному оку; и затем Мевляна продекламировал следующее:

О ты, созданье Зрящего Ока!

Уединись в себе.

Будь лишь в отсвете Его лучей,

Прямо смотреть не дерзай

На Лик Его Богосиянный.

(Здесь надо заметить, что ни тут, ни в каком другом месте повествования Мевляна не притязает на Божественные атрибуты, но, на языке мистики, человеческое естество на высшей ступени достижения так «перегорает», что мистик не видит и не чувствует ничего, кроме Бога и Его Божественных атрибутов «в себе и вокруг себя»; и, буквально, он «в сем мире материи, но не от мира сего», как часто говорится в мистических писаниях.)

Видеть дурное в ученом муже

Сообщают также, по преданиям благочестивых, что Бахауддин однажды спросил Мевляну, что это за «порочное занятие», которому предаются шейхи, по мнению уличного простонародья. На это Мевляна ответил: "Это «порочное занятие", несомненно, известно всем, но предаются ему втайне; те же шейхи, которые являются дервишами, безусловно, не обладают этой порочной привычкой; а те, кто красуется в одеянии святых, не имея внутреннего благочестия, со временем приобретают этот дурной обычай, и их ученость скрывает их богоотверженную привычку, хотя в конце концов они бывают разоблачены и осуждены».

Таков, к примеру, был случай одного мужа презрительной книжности, но малого благочестия, за которым водилось брать под сомнение и оспаривать таких ученых мужей, как Садруддин; и за ним следовало значительное число приверженцев. Однажды случилось так, что Мевляна проходил тем кварталом, где человек этот, известный как Насируддин, проживал, и он сидел на террасе своего большого дома в окружении учеников и, завидя Мевляну, заговорил: «Что за странное лицо у того человека, взгляните же на его тюрбан и платье; даже не знаю, есть ли в его сердце хоть искра мистических достижений; и кем нужно быть, чтобы стать его преемником?»

Мевляна, проходя под стенами пышного дворца того шейха, взглянул наверх и сказал: «О ты, маловоспитанный, берегись!» Тотчас же шейх Насируддин завопил, как ужаленный, и припал на колени от боли; его ученики забегали вокруг, спрашивая в тревоге, в чем причина, и он ответил, что разразился обилием неучтивостей в адрес Мевляны, не зная, как велика была мистическая сила этого Мастера. С другой стороны, тем, кто был в это время с Мевляной, невдомек было, к кому обращались его слова, пока он сам не просветил их, и все это дело разнеслось по базарам и улицам. Вскоре пошли пересуды, и получило огласку то, что ученый шейх был злостного нрава и давал людям деньги за то, чтобы они нахваливали его имя и объявляли о его святости, и «так скрытно он следовал этой дурной повадке», что ему верили. В конце концов он был осужден всеми жителями Кони, и его ученики наконец дали ему зелья, чтобы избавиться от общения с дурным человеком, носящим личину праведника.

Собаки и люди

Сообщают также, что шейх Бадруддин, великий художник, поведал, как однажды он и глава учителей школы Сираджуддин прохаживались с Мевляной, когда тот сказал, что, по правде, хотел бы пройти один, затем что устал от поклонов и знаков почтения, оказываемых ему людьми, куда бы

он ни пошел, и хочет побыть в одиночестве. Некоторое время он прогуливался в одиночку, пока не увидел стаю собак на песчаном пятчке в окрестностях города; глава учителей, приблизившись к Мевляне, обратил его внимание на мир и покой, пронизывающие стаю собак, меж тем как они дремали на солнцепеке: «Взгляни на этих собак, как они спяны и дружелюбны друг к другу, а мы, люди?»

Мевляна на миг задумался и сказал: «Поистине так, собаки эти сейчас мирно лежат и дремлют, но брось в их гущу кость, и тут увидишь, как нарушается спаянность, которой ты восхищаешься. Так же и с людским родом, – продолжал Мевляна, – пока меж двумя людьми бескорыстие и они не помышляют меж собой о стяжании мирских благ, они лучшие из друзей, но пусть только бросят им алчность к миру сему, и посмотри, как нарушится мир и последует драка, хуже, чем у собак». Только те, кто придает мало значения преходящим вещам и обладанию тем, что должно «умереть и пропасть», только они могут жить мирной и спокойной жизнью.

Золотые монеты

Рассказывают также, что однажды Мойнуддин, ученик, пригласил Мевляну в мистическое собрание, куда в его честь зазвали также именитых горожан. После того, как тайнодействие мистического слышанья свершилось, подали угощение, и перед Мевляной поставили блюдо превкусного кушанья. Мойнуддин положил в блюдо кошель, полный золотых монет, припрятав его под горкой риса. Сделано это было, чтобы проверить, заметит ли Мевляна деньги до того, как прикоснется к еде. Гостеприимец, исхитряясь еще больше, настойчиво упрашивал оказать милость и отведать яства, и добавлял, что снедь куплена на честно добытые деньги. Но Мевляна сидел, не прикасаясь к этому блюду, и затем заметил, что доброе угощенье не стоит осквернять такими вещами, как золотые монеты, – он «обнаружил» подвох явно посредством скрытых способностей; и потом он продекламировал первую строфу длинной оды:

Нет в моем сердце любви

К наилучшим вещам материального –

К блеску и лоску их!

Итак, воистину,

Ни к чему мне золотой кошель

В драгоценной посуде бренности.

Хозяин склонился перед Мевляной с мольбой о прощении и приложился к его стопам, изъявляя почтение и «стыд за проверку Наставника».

Скрытый дервиш

Рассказывают также, что однажды сын Мевляны спросил отца, как понимать выражение, что истинный дервиш всегда «сокрыт» – или, как говорят, держит себя «в утайке»; значат ли такие слова, что он прячется под одеждой или это особый склад ума? Мевляна ответил: «Это может быть и то, и другое, и даже вступление на какое-то поприще, чтобы скрыть истинное стремление к Пути. Например, – продолжал Мевляна, – некоторые святые пишут стихи, в которых изображается любовь, и такую любовь люди принимают за плотскую страсть. Другие занимаются торговлей (как, например, Баба Фаридуддин Аттар, который был аптекарем и держал аптекарскую лавку на базаре). Некоторые сосредотачиваются на занятиях литературой, кто-то еще может следовать иному призванию. Все это способы "утаивать", кто они на самом деле. Все это делается, чтобы избежать "назойливости" суетных людей. А есть и такие, иного сорта, кто намеренно совершает поступки, порицаемые обществом, чтобы люди мирского склада ума оставили их в покое; истинно сказал Пророк: «Аллах сокрыл настоящих "людей великого благочестия"». Итак, к любой затее прибегают эти люди, чтобы обрести душевный покой и следовать Пути, чему мешает скверна, идущая от людей мирских, тех, чье единственное желание и стремление – добиваться материальных целей любой ценой. Цена же этого – причастность к мистической сфере и духовной деятельности, и любовь Того, Кто Присносущ, Кто был и пребудет вечно». Затем Мевляна продекламировал следующие строки:

Зная все время все,

Они как в прятках – прячутся и ищут.

На суетный глаз, предстают

Иными, чем они есть настоящие.

Даже одной минуты

Толпа не видит, кто они, что они.

В средоточье внутреннего света странствуют,

Чудесами наполняя жизнь,

И все же никто не знает,

Кто они.

Порою даже абдалы – святые не высшей ступени –

Знают меньше того, чем то, что они есть:

Откуда их путь и куда –

Тайна для всех.

«Умри до своей смерти...»

Рассказывают также, что Мевляна сказал однажды своему сыну: «Если люди спросят тебя, каков твой Путь, то отвечай: «Мой Путь – воздержание в еде, нет, мой Путь в том, чтобы «умереть», то есть, быть поглощенным Божественным сиянием». И затем он рассказал историю о дервише, который, подойдя к одному дому, попросил напиться воды. Прекрасная девушка вышла на порог и подала пустой сосуд, но дервиш сказал: «Я просил воды». – Девушка велела ему уходить, говоря: «Ты получил свой ответ, ибо дервиш – не тот, кто ест целый день и спит целую ночь, но сущий праведник тот, кто много ночей спит голодным и ничего не ест днем». Другой персидский мудрец сказал: «Едят для того, чтобы поддерживать жизнь, а не живут для того только, чтобы есть и есть». Мевляна добавил, что после той встречи с девушкой, дервиш до своего последнего часа никогда не ел днем.

Одинаковые следствия, как ожидается, имеют одинаковые причины

Один лавочник держал у себя в лавке попугая.

Однажды кошка опрокинула кувшин с маслом и удрала.

Когда купец вернулся, он решил, что масло пролил попугай, и так сильно ударил его, что у птицы выпали все перья с головы.

Некоторое время спустя, попугай выкрикнул, увидев идущего мимо лысого:

«А ты чье масло пролил?»

Давай мне целое, а не части

Один человек пришел к татуировщику и попросил выколоть ему на коже льва. Человек же этот был трусом. Почувствовав первый же укол, он сказал:

– Какую часть тела льва ты выкалываешь?

– Хвост, – ответил татуировщик.

Человек воскликнул: «Давай без хвоста, изобрази какую-нибудь другую часть».

Художник стал делать, как ему было сказано. Но человек снова завопил от боли.

И это продолжалось, пока художник не сказал, что невозможно сделать татуировку льва, если он не даст выколоть ни одну из его частей.

Царь и девушка-рабыня

Жил один царь, и влюбился он в девушку-рабыню. Он купил ее, но девушка заболела, и ни один врач не мог излечить ее, поскольку каждый, кто пробовал, был слишком своеволен, и все они пренебрегали тем, чтобы сказать: «если Богу будет угодно», приступая к лечению.

Однажды царю приснилось, что появится некто, кто поможет, и во дворец явился некий чужестранец и предложил врачевать девушку.

Когда этот незнакомый врачеватель сел к постели больной, он уразумел, что понять внутреннее состояние девушки докторам помешала их надменность.

Он понял, что она таяла и угасала потому, что была влюблена. Расспросив ее окольным путем, он выяснил, что она влюблена в некоего ювелира из Самарканда.

– Чтобы произвести исцеление, – сказал он царю с глазу на глаз, – ты должен завлечь сюда этого златоковача, посулив ему подарки.

Царь послал льстецов и просителей, чтобы сманить ювелира. Тот приехал, не в меру жадный, и они поженились. Через шесть месяцев девушка выздоровела. И тогда неизвестный врачеватель поднес золотых дел мастеру некое зелье, отчего тот стал девушке отвратителен. Он умер, и тут же чувства

девушки испарились. История эта шокирует вас потому, что вы не видите картину в целом...

Влюбленные...

Халиф сказал Лейли:

– Как мог Меджнун до умопомешательства влюбиться в тебя, ведь ты не более красива, чем многие другие женщины?

– Удержи свой язык на привязи, – сказала она, – затем, что ты не Меджнун.

Чем больше для человека яви в том, что его окружает, тем больше он во сне, и его явь хуже его сна.

Украденная змея

Один человек украл змею у другого, который ее поймал.

Змея ужалила похитителя, и он умер. Таким образом, первый человек был избавлен от змеиного укуса.

Второй человек получил то, что хотел (украл змею), но исполнение его желания принесло ему смерть.

Иисус и Имя

Человек, шедший с Иисусом, увидел груды костей. Он попросил Иисуса научить его возвращать мертвых к жизни.

Иисус сказал: «Это не для тебя. Ты не побеспокоился о себе, но хочешь возродить других».

Суфий и осел

Один странствующий суфий гостил у нескольких других суфиев. Они оказали ему добрый прием, и он попросил их челядь присмотреть за его ослом. Он стал так подробно объяснять слугам, что делать с ослом – как его чистить да как кормить, что надоел им, и они сказали, что таких поучений не требуется.

Это не остановило суфия, и, настаивая на своем, он упорно твердил им, какой нужен уход за его ослом.

В эту ночь он спал плохо, видя во сне, что с ослом что-то случилось.

Утром он верхом пустился в дорогу, но осел скоро рухнул, потому что так и остался неухоженным у нерадивых слуг, несмотря на все их протесты.

(Он думал, что не может им доверять, – и был прав. Они думали, что и так все знают, и не нужно их поучать, – и были неправы.)

Старуха и сокол

Один сокол, принадлежавший царю, улетел от него в дом какой-то старухи.

Никогда раньше она не видала соколов и решила, что его клюв – кривой и длинный – искалечен. Ей вздумалось, что и крылья его чересчур длинны. И тогда старая попыталась обиходить его, как умела, по своему опыту ухода за птицей.

В конце концов, царь нашел своего сокола и сказал ему, что его постигла такая участь, потому что он предпочел жилище невежественной старой перечницы, хоть и действующей из лучших побуждений, обществу того, кто знает, что такое сокол.

Мудрец и халва

Некий суфийский мудрец спускал деньги на добродейния, как воду сквозь пальцы, не зная заботы, откуда они берутся, и потому всегда был в долгах.

В конце концов, когда он уже лежал на смертном одре, люди, которым он задолжал, сгрудились вокруг, требуя выплаты.

Мудрец вдруг услышал на улице голос разносчика сладостей, громко предлагавшего свой товар, и послал взять у мальчика весь запас халвы.

Этой халвой обнесли всех кредиторов. Когда пришла пора за нее платить, суфий сказал, что денег у него нет и что в любом случае он, того гляди, умрет.

Мальчик был в полном отчаянии и клял всех суфиев с их повадками.

Это происшествие заставило кредиторов сострадать мальчику и увеличило злобность их горьких попреков суфию, кого они считали за негодяя.

Суфийский мудрец не обращал на это никакого внимания. Время шло.

Ближе к вечеру, от одного из поклонников шейха в дар пришла большая сумма денег, достаточная, чтобы уплатить все долги.

Шейх объяснил, когда раскаявшиеся кредиторы попросили растолковать им значение всего этого, что деньги никогда бы не появились в ответ на желания и потребности заимодавцев. Весь секрет был в том, чтобы дождаться истого крика отчаяния из уст мальчика – разносчика халвы.

Корова и лев

Как-то один человек поставил корову в сарай.

Пришел лев, сожрал корову и занял ее место.

Когда человек вернулся, в сарае было темно, так что двигался он на ощупь. Его руки перетрогали все части тела льва, и он мнил, что трогает свою собственную скотинку. Лев думал:

– Не гладил бы он меня, если бы знал, кто я на самом деле. Он делает это лишь потому, что темно и потому что воображает, что я его смиренная животина.

Суфий и слуга

Один суфий зашел в селение неких суфиев и поставил своего осла в их сарай. Обитатели селения были бедны, и они взяли животное и тут же продали его.

На эти деньги они накупили разных лакомств и, радуясь своей удаче, стали петь и плясать.

Приезжий суфий, обрадованный их весельем и гостеприимством, присоединился к кутежу, снова и снова выкрикивая вслед за ними: «Осла свели!»

На следующее утро, когда суфий собрался пуститься в путь, то обнаружил, что вокруг никого не было, кроме его слуги. Он велел слуге привести осла. Слуга отвечал, что осла свели суфии.

– Почему ты не сказал мне об этом, ведь осел оставался на твоём попечении?
– стал с него спрашивать суфий.

– Я приходил несколько раз, чтобы сказать, но каждый раз, как я подходил, вы кричали: «Осла свели!», поэтому я думал, вы уже знаете, что с ним случилось, – объяснил слуга. Тут суфий понял, что подражательное поведение стало причиной его потери.

Несостоятельный должник и верблюд

Один человек был безысходным должником. Поскольку он промышлял, одалживая у людей, которые не догадывались, что в кредит ему верить нельзя, судья того города приказал, чтобы его водили по всем улицам и во всеуслышанье объявляли об этом его качестве и об опасности ему доверять. У одного курда, торговавшего хворостом, отобрали верблюда, на которого на целый день посадили этого неплательщика, в то время как решение судьи оглашалось по всему городу. День-деньской курд ходил за этим шествием, пока делу на разных языках давалась огласка, чтобы всех вразумить. Когда с этим было покончено и неплательщик, в конце концов, спешился, курд потребовал с него возмещение за пользование верблюдом.

– Чем это ты занимался весь день, – спросил его неплательщик, – если не слышал, как во всеуслышанье объявляли, что я никогда не плачу за то, чем пользуюсь?

Жаждающий и вода

Один человек, томимый жаждой, подошел к краю арыка. Добраться же до воды он не мог, затем что стояла там стена, перебраться через которую он был не в силах. Он вытащил один кирпич из стены и бросил в воду, отчего раздался всплеск, приятный его ушам. Тогда он стал вытаскивать один кирпич за другим и бросать их в воду, пока люди не спросили его, зачем он это делает. Он ответил:

– Есть две причины. Первая та, что я наслаждаюсь плеском воды, – это настоящая музыка для ушей человека, томимого жаждой. Вторая причина в том, что с каждым кирпичом, который я вытаскиваю, стена разрушается и я подбираюсь ближе к воде.

Чем сильнее мучит человека жажда, тем более он томится по самому плеску воды и тем быстрее вынимает он из стены все больше кирпичей.

Сумасшедшее поведение Дхун-Нуна

Дхун-Нун вел себя таким образом, какой обычные люди почитают явным признаком безумия, и его забрали в заведение для умолишенных. Несколько друзей Дхун-Нуна пришли в сумасшедший дом, чтобы его проведать.

Они думали, что он вел себя так не без тайного умысла, а с такой задумкой, чтобы люди могли от него чему-то научиться.

Он же, когда увидел их, напустился на них с криками, кто они, дескать, такие, и стал угрожать им. Пришедшие принялись изъясняться, что они-де

его друзья и явились, чтобы справиться о его здравии и показать, что не верят, будто он по-настоящему сумасшедший. Дхун-Нун стал бросаться в них палками и камнями, и они поспешили прочь от этого буйного безумца, потому что именно таким он теперь предстал им.

Тогда Дхун-Нун засмеялся и разъяснил:

– Эти люди возомнили, будто понимают, что я только играю в безумца, но стоило им увидеть воочию, как я это делаю, они тут же вообразили, что я и вправду лишился ума.

Мудрец и спящий

Некий человек спал под открытым небом, когда ядовитая тварь стала вползать ему в рот. Мудрец, ехавший верхом на лошади, увидел, как это случилось. Он попытался не дать человеку проглотить гадину, но опоздал.

Тогда он изо всей мочи ударил спящего, чтобы его разбудить. Потом, немилосердно тираня, пригнал человека к дереву, под которым валялись гниющие падальцы. Всадник заставлял человека есть их до тех пор, пока в него уже больше не лезло. Несчастный вопил и взывал, что же он такого наделал, что его так третируют.

И вот, верховой погнал человека перед собою, и тот бежал, пока не сбил себе ноги. Это продолжалось до тех пор, пока, много часов спустя, бегущего человека не вырвало, и он не извергнул всего, что проглотил. Тогда-то он и увидел мерзкую тварь, которая была настоящей причиной подобного с ним обращения.

Медведь

Один человек спас однажды жизнь медведю, который привязался к нему, помня добро, что тот сделал.

Человек, утомившись, прилег подремать бок о бок с медведем.

Другой человек, шедший мимо, посоветовал тому быть осторожнее, говоря, что услужливый дурак опаснее врага. Но первый человек лишь подумал, что другой ему завидует, и не придавал значения его словам. Ему даже вздумалось, что тот прохожий старается лишить его надежности верного спутника.

Но когда он, улегшись, задремал, медведь, видя, что поналетели мухи, попытался прибить их камнем, что и учинил, убив человека, который его спас.

Садовник и трое

Садовник обнаружил на своей земле трех человек, которым там быть не следовало. Они были мошенниками: один из них – стряпчий, другой – фальшивый шариф (потомок Мухаммада) и мнимый суфий. Садовник сообразил, что пока эти люди держатся заодно, ему с ними не справиться: вместе они были слишком сильны. Поэтому он решил посеять между ними рознь, чтобы их разобщить.

Он обратился к суфию, сказав ему пойти в дом и принести ковер, на который они бы могли сесть. Мнимый суфий ушел, а двоим оставшимся садовник сказал: – Один из вас правовед, а другой – шариф. По выносимым одним из вас решениям, мы можем есть и, благодаря его познаниям, мы спасаемся.

Другой из вас – наш князь, повелитель, принц (сеид) из дома Пророка. Но этот алчный, бесчестный суфий – кто он такой, чтобы быть сотоварищем столь именитых особ, как вы? Ополчитесь против него, прогоните его прочь, когда он вернется. Потом оставайтесь в моем саду хоть на неделю. Они прогнали суфия, а садовник бросился за ним и побил его палкой, приговаривая: «Или твое суфийство дает тебе право врываться в мой сад?»

Своим друзьям суфий сказал: «Теперь берегитесь, ибо хотя вы и подумали обо мне плохо, я все же не так плох, как этот человек».

Теперь, когда с суфием было покончено, садовник повернулся к шарифу и сказал:

«Ваше Высочество, дома у меня есть чем подкрепиться. Ступайте и спросите себе».

Когда шариф ушел, садовник взялся за стряпчего. Он сказал ему, что, наверное, тот и сам догадался, что шариф – обманщик. Все, о чем бы ни говорил этот лжец, лишь плод его воображения, а не правда о потомках Пророка. И стряпчий прислушался к нему.

Так, садовник смог подступиться и к шарифу и отругал его, обвиняя в воровстве и спрашивая, какое такое право оставил Пророк своим потомкам на грабеж.

Сказал тогда шариф своему товаришу: «Пусть я и не шариф, но и не такой дурной человек, как ты, ибо ты предал меня этому злодею».

Теперь садовник остался один на один со стряпчим. И он сказал ему:

– Ты, вор, или это твое судейское заключение, что ты можешь воровать у меня? Какое у тебя законное основание? Стряпчий ответил:

– Ты прав, и ты можешь бить меня, ибо это справедливая плата тому, кто предает своих друзей.

Дервиш, который женился на проститутке

Благородный сеид сказал одному, носившему плащ дервиша:

– Если бы ты не так спешил пожениться с блудницей и уведомил меня о своих планах, мы бы выбрали для тебя чистую женщину. Дервиш отвечал:

– У меня было девять чистых женщин, но каждая из них стала распутницей, так что я очень загоревал. Я женился на этой умышленно, чтобы посмотреть, что получится. Я пытался опираться на здравый смысл, насколько его хватало. Поупражняюсь теперь в абсурдности.

Царский сокол и совы

Был однажды благородный сокол, который принадлежал царю. Как-то сокол утомился, летая, и опустился на развалины передохнуть. Оказалось, что эти развалины служили обиталищем для колонии сов, которым его присутствие было ненавистно. Совы напали на это благородное создание, хотя сокол сказал, что не замышляет зла и что он просто пролетал через их владение. Но совы кричали:

– Не слушайте его! Какое отношение он может иметь к царю? Он лжет, чтобы хитростью лишить нас нашей обители!

Манипуляция ума

Жили-были школяры. Они были лентяи и хотели увильнуть от занятий. Один из них подсказал идею, что им надо заставить учителя заболеть, говоря ему, сколь он ужасно выглядит. Итак, как только учитель пришел в школу, один за другим мальчики говорили ему, что он плохо выглядит. Сначала учитель отвечал, что он совершенно здоров, что им все это кажется; но меж тем как все больше и больше мальчиков – на вид вполне непредумышленно – рисовали ему его больной вид, он и сам почувствовал себя неважно. Вернувшись домой, он сказал жене, что ему как-то нездоровится. «Сдается мне, – отвечала она, – что это твое воображение». Но он твердил, что при смерти, и слег в постель, обвиняя ее в бесчувственности к его страданиям.

Любовные стихи

Один влюбленный, навещая свою возлюбленную, принес стихи, которые он ей посвятил, и пустился в долгое чтение. Стихи толковали о том, что он о ней думает и что чувствует по поводу ее красоты и привлекательности. Дама сердца сказала ему:

– Вот сейчас ты здесь со мной, и можешь воспринимать меня непосредственно, и все же настаиваешь на том, чтобы выражать чувства, которые больше говорят о тебе, нежели обо мне.

Не я твой предмет: ты сам и есть предмет твоих собственных нежностей. Ты сам и стоишь между мной и собой.

Царский раб

Жил однажды царский раб. Он до того был предан царю, что млел, лишаясь сознания, когда бы ни представлял перед своим господином. И вот, люди знали, что раб этот ходил в больших любимцах у царя, и они давали ему разные подарки для его хозяина. А вместе с тем они передавали через него для царя прошения и ходатайства, которые тот складывал к себе в сумку, надеясь при удобном случае подать их правителю. Однако всякий раз, когда раб действительно оказывался в присутствии царя, его так захватывало царское величие и его собственная преданность царю, что он обмирал и падал на пол, и лежал без памяти. Когда он лежал себе так, царь, бывало, подбирал сумку и заглядывал в нее; он доставал подарки и читал все прошения, и удовлетворял их, и исполнял желания людей, их туда положивших, хотя сам раб был к этому совсем не причастен. Таким образом, рабу не нужно было подавать царю ходатайства, и то, что он питал столь великое благоговение перед царем, ничего, по сути, не меняло. У царя были и другие рабы, и они также испытывали изрядное благоговение перед ним. Они настолько перед ним благоговели, что едва ли вспоминали хоть о чем-то его просить, а когда все-таки вспоминали и просили, их прошения почти всегда оставались без ответа.

История образованного учителя

Жил однажды учитель, во многих предметах сведущий, но человек весьма бедный, и даже в самые холода он ходил в одной тонкой рубашке. И вот рекой принесло с гор медведя: его сносило течением, и видна была только одна голова. Ученики того учителя, памятуя, что у их наставника нет верхней одежды, и видя только мех медвежьей головы, говорят ему: «Смотрите, вон по реке плывет меховая шуба, а вам бы шуба еще как пригодилась! Пойдите, поймайте ее». Учитель ужасно мерз; он бросился в реку и ухватился за

шкуру, а медведь ухватился за него, и вот они вместе стали барахтаться посередине реки. Ученики кричат: «Отпустите вы эту шкуру и выходите», а учитель им в ответ: «Я-то ее отпустил, да она меня не пускает».

История искателя из Индии

Один искатель из Индии пришел посетить святого, и когда он уже был у двери святого, голос изнутри произнес: «Ступай обратно, ты исполнил свое намерение, и ты стяжал благо тем, что пришел к моей двери. Если ты добьешься своего и увидишь меня воочию, ты от этого только потеряешь». Подобным образом короткий разговор может донести урок, как сила огня, легко тронув свечу, словно воздушным поцелуем ее зажигает. Этого достаточно, и это именно то, что требовалось. Если огонь в очаге разгорится до того, что полыхнет наружу, ты не получишь от него пользы. Это будет чересчур.

Мевляна Джалаледдин Руми

из книги «Суфии» Идриса Шаха

Озаренным можно назвать того,
чьи слова соответствуют его делам,
кто отрекается от обычных связей с этим миром.

Джун-Нун Мисри

Вся жизнь Мевляны (буквально: нашего господина) Джалаледдина Руми, основателя Ордена Крутящихся дервишей, может служить подтверждением восточной поговорки: «Гиганты приходят из Афганистана и влияют на весь мир». Джалаледдин Руми родился в знатной семье в Бактрии в начале XIII в. Он жил и учил в Икониуме (Руме) в Малой Азии до возникновения Оттоманской империи, от трона которой он, как говорят, отказался. Его произведения, написанные на персидском языке, столь почитаются в Иране за поэтические и литературные достоинства и мистическое содержание, что их называют «Кораном на языке пехлеви», и это несмотря на то, что их можно считать оппозиционными по отношению к шиизму, национальному культу Ирана, так как в них подвергается критике обособленность этого религиозного направления. Руми утверждал, что стихи Корана аллегоричны, а сам Коран обладает семью различными значениями, и все же арабы, а также мусульмане Индии и Пакистана, считают его одним из величайших

мистических учителей. Степень воздействия Руми едва ли поддается определению, но следы его влияния можно обнаружить в литературных и философских произведениях различных школ. Даже доктор Джонсон, хорошо известный своими неблагоприятными высказываниями, сказал о Руми: «Он раскрывает перед странником секреты Пути Единения и делает явными тайны Пути Вечной Истины». Менее чем через сто лет после смерти Руми, в 1273 году, его произведения приобрели такую известность, что Чосер в некоторых своих работах ссылался на них и на учения духовного отца Руми, Атгара (Химика, 1150 – 1229/30). Даже поверхностный обзор многочисленных ссылок на арабские материалы, обнаруживаемых в работах Чосера, может служить доказательством суфийского влияния литературной школы Руми. Использованные Чосером слова «Львы могут для себя извлекать уроки, когда бьют собак...» являются просто переделкой «Удрут эль-каль-ба ва йата-'аддабу-эль-фахду» («Ударь собаку – научится вести себя лев»), что является тайной фразой Крутящихся дервишей. Правильное понимание ее зависит от понимания игры слов. При написании этого пароля используют именно эти слова (собака и лев), но в устной речи применяются сходные по звучанию слова. Вместо того, чтобы сказать «собака» (кяльб), суфии говорят «сердце» (кальб), а вместо «льва» (фахд) произносят «невнимательный» (фахид). Теперь смысл фразы изменяется: «Ударь сердце (суфийские упражнения) и невнимательный (способности) будет вести себя правильно». С этого призыва начинаются «бьющие по сердцу» упражнения, которые выражаются в определенных движениях и в концентрации – практиках дервишей Ордена Мевлеви (Крутящихся).

Другим интересным моментом является связь между «Кен-терберийскими рассказами» как аллегорией внутреннего развития и «Парламентом птиц» Атгара. Проф. Скит напоминает нам, что у Чосера, как и у Атгара, в паломничестве принимает участие 30 персонажей. «Симург», по-персидски означает «30 птиц» (см. прим. «Си-мург»), поэтому метафора о 30 паломниках, ищущих мистическую птицу Си-мург, в персидском произведении имеет смысл. Однако в английском языке невозможно так же обыграть это число. Количество паломников, фигурирующих у Атгара из-за требований рифмы, сохраняет и Чосер, но в «Кентерберийских рассказах» оно уже лишено двойного значения. «Рассказ торговца индульгенциями» тоже можно найти у Атгара, а историю о грушевом дереве – в IV книге суфийского произведения Руми «Маснави».

Руми оказал значительное идейное и литературное влияние на Запад. Благодаря тому, что в наше время большинство его трудов было переведено

на европейские языки, это влияние еще более усилилось. Но если он «поистине является величайшим мистическим поэтом в истории человечества», как называет его проф. Арберри, то сами стихи Руми, в которые он вложил так много своих идей, можно по-настоящему оценить, только если читать их в оригинале. Однако идеи и методы, используемые Крутящимися дервишами и другими школами, испытавшими влияние Руми, не являются столь уж недоступными при условии, что человеку ясен способ изложения эзотерических истин.

Существуют три документа, по которым внешний мир может изучать деятельность Руми. Важнейшим произведением Руми является «Маснави-и-Ма'нави» («Духовные двестишия»). Оно состоит из шести книг и отличается такой поэтичностью и силой воображения, что чтение его в оригинале вызывает странное и сложное чувство восторга в сознании слушателя. Руми писал эту книгу 43 года. Особая сложность идей, формы и манеры изложения не позволяет считать ее чисто поэтическим произведением. Как отмечает проф. Николсон, любители обычной поэзии не найдут ее здесь. Такие люди не испытают на себе влияния особой формы искусства, созданной Руми с целью передачи понятий, не имеющих, как считает автор, аналогий в обычном человеческом опыте. Не обращать внимания на это замечательное достижение – все равно что пытаться определять вкус варенья заочно. Николсон подчас отдает предпочтение формальной поэзии, уделяя чрезмерное внимание тонкой поэтичности в океане «Маснави».

Он пишет (Введение, Избранное из «Дивана Шамса Табризи», стр. 309): «Поэтические достоинства "Маснави" необычайны, но читателям придется пробираться через нравоучительные басни, диалоги, толкования Корана, метафизические тонкости и моралистические увещания, прежде чем случай их выведет на безупречную и изысканную песнь». Для суфия, а может быть, и для любого другого человека, эта книга является голосом из другого измерения, которое в определенном смысле находится в самых глубоких тайниках человеческого сознания.

Воздействие «Маснави», как и любого другого суфийского произведения, будет зависеть от условий, в которых человек изучает эту книгу. Она содержит в себе шутки, притчи, диалоги, ссылки на более ранних учителей и упоминания об экстагогенных методах, представляя собой поразительный пример применения метода рассеивания, когда с помощью многопланового воздействия постепенно создается общая картина, с тем чтобы суфийское послание проникло в сознание человека.

Как и все суфийские учителя, Руми частично приспособливает это послание к тому окружению, в котором он работает. Сообщается, что он ввел танцы и круговые движения в качестве упражнений для своих учеников из-за флегматичности населения Кони. Так называемая разнородность доктрин или деятельности, предписываемых различными суфийскими учителями, в действительности является не более чем применением этого правила.

В своей системе обучения Руми использовал объяснения и интеллектуальные упражнения, размышление и медитацию, деятельность и бездействие. Сочетание духовной активности Крутящихся дервишей с телодвижениями, исполняемыми под аккомпанемент свирели, является результатом особого метода, изобретенного для того, чтобы помочь Искателю достичь гармонии с мистическим потоком и с его помощью трансформировать себя. Все, что укладывается в рамки понимания неразвитого человека, имеет свое значение и применение в особом контексте суфизма, который, не будучи пережитым, остается невидимым. Руми пишет: «Молитва обладает формой, звуковым выражением и физической реальностью. Все, что может быть названо словом, имеет и физический эквивалент, а каждой мысли соответствует определенное действие». Несмотря на то, что Руми совершенно бескомпромиссно высказывает самые непопулярные идеи (например о том, что независимо от своих внешних достижений обычный человек является незрелым в области мистицизма), одной из его подлинно суфийских характеристик является то, что он почти за любым человеком оставляет возможность добиться определенных успехов в деле осуществления его предназначения.

Подобно многим другим суфиям, работавшим в условиях теологической парадигмы, Руми прежде всего начинает говорить со своими слушателями о религии. Он подчеркивает, что обычный эмоциональный метод подхода к религии, характерный для организованных институтов, является неверным. Завеса Света, порожденная самодовольством, более опасна, чем завеса Тьмы, которую создает в уме человека порок. Понимание приходит через любовь, его нельзя добиться различными организационными методами. С его точки зрения, ранние религиозные учителя знали истину. За малым исключением, их последователи организовывали свою деятельность так, что практически исключали возможность достижения озарения. Эта задача требует нового подхода к вопросам религии, и Руми целиком выносит ее за рамки привычных решений. Он далек от того, чтобы подвергать догму изучению или аргументации. Он говорит, что истинная религия не имеет ничего общего с представлениями людей о ней. Отсюда следует, что изучать догмы

совершенно бесполезно. В этом мире не существует подобий тому, что называют Престолом (Бога), Книгой, Ангелами или Днем Воскресения. Используемые по необходимости сравнения дают только грубое представление о совершенно иных вещах. Руми идет еще дальше в сборнике своих высказываний и мыслей под названием «В нем то, что в нем» («Фихи ма фихи»), являющемся своеобразным суфийским учебником. Он говорит, что человечность проходит через три стадии. На первой стадии она поклоняется чему угодно – мужчине, женщине, деньгам, детям, земле или камням. Добившись некоторого прогресса, она начинает поклоняться Богу. В конце концов человек уже не говорит: «Я поклоняюсь Богу» или «Я не поклоняюсь Богу». Он достиг последней стадии. Для того чтобы приблизиться к суфийскому пути, Искателю необходимо понять, что он в основном представляет собой, как сказали бы сегодня, замес из обусловленности: застывшие идеи и предубеждения, а также, в немалой степени, автоматические реакции, сформировавшиеся в результате чужих влияний. Человек лишен той свободы, которой, как ему кажется, он обладает. Прежде всего ему нужно отказаться от убеждения в том, что он уже понимает что-либо, и попытаться приблизиться к реальному пониманию. Но человеку внушили, что он все может понять с помощью одного и того же способа процесса логического мышления, и это убеждение чрезвычайно мешает ему. «Если вы пользуетесь в своей жизни методами, с помощью которых воспитывали вас самих, и придерживаетесь этих методов только потому, что они достались вам по наследству, вы ведете себя нелогично».

Знание религии и того, чему учили великие религиозные учителя, является частью суфизма. Суфизм использует терминологию обычной религии, но весьма особым образом, что всегда вызывало ярость святош. Вообще говоря, суфии считают, что вера любого религиозного учителя, а особенно сама его жизнь, символизируют собой один из аспектов того пути, единым выражением которого является суфизм. Иисус внутри вас, пишет Руми, ищите его поддержки. Но не пытайтесь с помощью своего внутреннего Моисея лелеять нужду Фараона.

Говоря о том, что путь Иисуса был путем преодоления вожделений и борьбы с одиночеством, Руми тем самым описывает метод, в котором суфии видят символическое выражение различных религиозных путей. Путь Мухаммада состоял в том, чтобы жить в обществе среди обычных людей. Руми пишет: «Иди путем Мухаммада, а если не можешь – стань на путь христианства». Это отнюдь не означает, что Руми приглашает избрать одну из этих религий. Он указывает на методы, с помощью которых Искатель может достичь

завершенности, той завершенности, которая приходит через понимание существенного содержания путей Иисуса и Мухаммада.

Точно также, когда суфий говорит о Боге, он имеет в виду не то божество, о котором думает человек, воспитанный в традициях теологии. Это божество принимают набожные и отвергают атеисты. Фактически все это является принятием или отвержением того, что предлагают людям схоласты и духовенство. Бог суфиев не имеет никакого отношения к этой полемике, так как суфии считают, что божественное познается только в результате индивидуального опыта. Это не означает, что суфии предлагают отказаться от развития способности к логическому мышлению. Руми поясняет, что интеллект весьма важен, но он должен знать свое место. Если вам нужна одежда, вы отправляетесь к портному. Интеллект подсказывает вам, какого именно портного следует выбрать, однако после этого интеллект отстраняется. Вам придется полностью положиться на вашего портного, т. е. поверить в то, что он закончит работу должным образом. Учитель говорит, что логика приводит больного к врачу, после чего пациент должен довериться доктору. Однако натасканный материалист хотя и заявляет, будто открыт для того, что может сообщить ему мистик, будет все же не в состоянии вместить всю истину. Он никогда не поверит ей. Истина не имеет основания как в материализме, так и в логике. Из этого следует, что мистик работает на нескольких различных уровнях, а материалист – только на одном. Их контакт приведет к тому, что суфий, вероятнее всего, покажется материалисту непоследовательным. Если сегодня он скажет нечто иное, чем то, что заявлял вчера, он предстанет лжецом. Ситуация, в которой цели людей полностью отличаются друг от друга, по меньшей мере лишит их всякой возможности взаимопонимания. Руми замечает: «Те, кто не понимают той или иной вещи, заявляют, что данная вещь для них бесполезна. Рука и инструмент подобны кремню и стали. Попробуйте ударить кремнем о землю, разве от этого появится искра?» Одной из причин, почему суфии не проповедуют свое учение публично, является то, что обусловленные религиозные люди или материалисты не поймут их: «Королевский сокол сел на развалины дома, где обитали совы. Они решили, что сокол прилетел для того, чтобы изгнать их из жилища и самому захватить его. Сокол сказал: "Эти развалины могут казаться прекрасным местом для вас, я же предпочитаю сидеть на руке Короля". Тут некоторые из сов закричали: "Не верьте ему, он хитрит, чтобы украсть наш дом"».

Использование притч и иллюстраций, подобных этой, очень широко распространено среди суфиев, и Руми поистине был мастером иносказаний.

Часто он разными способами выражает одну и ту же мысль, добиваясь того, чтобы она глубже проникла в ум читателя. Суфии считают, что идея сможет проникнуть в обусловленный (закрытый) ум, только если она будет выражена так, что ей удастся проскользнуть сквозь завесу обусловленности. Тот факт, что не-суфии имеют так мало общего с суфиями, означает, что последним необходимо использовать основные элементы, присущие каждому человеку, которые еще не совсем уничтожены различными проявлениями все той же обусловленности. Речь идет именно о тех элементах, которые определяют собой суфийское развитие. Любовь является важнейшим и самым постоянным из них, она представляет собой ту силу, которой предстоит поднять человека и все человечество на уровень завершенности: «Человечество чувствует свою незавершенность, томится желанием и страдает удовлетворить свое желание через различные виды деятельности и амбиции. Но только в любви оно сможет обрести завершенность». Однако любовь является сама по себе серьезным делом, находящимся в тесной взаимосвязи с озарением. Каждый из этих факторов усиливает друг друга. Сила огня просветления слишком велика, чтобы человек смог выдержать его во всей полноте.

«Огонь печи может оказаться слишком сильным, чтобы воспользоваться его теплом, а более слабое пламя лампы может дать именно столько тепла, сколько вам необходимо».

Каждый, кто достиг определенной степени искушенности в каком-то персональном аспекте, думает, что сможет найти путь к озарению самостоятельно. Суфии отрицают это и спрашивают, каким образом человек может найти что-либо, если он не знает, что это такое? Руми пишет: «Все стали золотоискателями, но простолудин, наткнувшись на золото, не узнает его. Если вы не умеете распознавать золото – присоединитесь к мудрецу».

Зачастую обычный человек, думая, что уже приближается к просветлению, видит только его отражение. Свет может упасть на стену. Стена в этом случае, как радушная хозяйка, принимает у себя гостя. «Не привязывайся к кирпичам стены, ищи вечный источник».

«Для того чтобы нагреть воду, между ней и огнем должен находиться посредник (сосуд)».

Как может Искатель осуществить свою задачу и стать на верный путь? Прежде всего, он не должен отказываться от жизни и работы в миру. Руми учит, что не надо оставлять работу, т. к. «сокровище, которое вы ищете,

может дать вам только она». Этим отчасти объясняется то, что все суфии должны иметь какую-то конструктивную профессию. Работа, однако, означает не только простой труд или даже социально приемлемое творчество. Она включает в себя и работу над собой, алхимию, с помощью которой человек достигает совершенства: «Благодаря присутствию знающего человека шерсть превращается в ковер, а земля становится дворцом. Присутствие духовного человека приводит к подобным же превращениям». Поначалу мудрый человек ставит Искателя в позицию ведомого. Но как только это становится возможным, учитель отпускает ученика, который отныне обретает мудрого человека внутри себя и продолжает работу над собой. В суфизме, как и везде, можно встретить довольно много ложных учителей. Вследствие этого суфии сталкиваются с довольно странным положением, когда ложный учитель может показаться настоящим (т. к. он делает все, чтобы соответствовать представлениям ученика об учителе), а настоящий суфий часто кажется неподготовленному и неспособному к различению Искателю вовсе не таким, какими должны быть суфии. Руми предостерегает: «Не суди о суфиях по тем признакам, которые для тебя очевидны, друг мой. До каких пор ты будешь, подобно ребенку, тянуться за орехами и изюмом?» Фальшивый учитель будет уделять большое внимание внешним вещам; он знает, как убедить Искателя в том, что он великий человек, что он понимает его и может открыть ему большие тайны. У суфия есть свои тайны, но он должен сделать так, чтобы тайны эти развивались в самом ученике. Суфизм – это то, что случается с человеком, а не то, что ему дают. Ложный учитель будет все время пытаться удерживать около себя своих последователей, он никогда не скажет им, что они проходят подготовку, которая должна закончиться как можно быстрее, чтобы они сами смогли испытать свое развитие и продолжать свой путь как Совершенные люди.

Руми обращается к схоласту, теологу и последователю ложного учителя: «Когда вы перестанете поклоняться кувшину и любить его? Когда вы начнете искать воду?» Внешнее – это то, на чем основывают свои суждения люди. «Нужно помнить о разнице между цветом вина и цветом бокала». Суфий должен осуществлять процесс саморазвития, не упуская ни одной детали, иначе простое сосредоточение на чем-либо одном приведет к нарушению равновесия, а следовательно – к провалу. Разные люди могут развиваться с разной скоростью. Руми говорит, что одни понимают все, прочитав только строчку. Другие все поймут, если окажутся участниками

события. Способность к пониманию развивается параллельно духовному прогрессу человека.

Размышления Руми включают в себя некоторые важные идеи, призванные помочь Искателю в осознании того, что он временно отделен от истинной реальности, хотя ему самому может казаться, что обычная жизнь целиком выражает всю реальность. Суфии считают, что все, что мы видим, чувствуем и переживаем в обычной жизни, является всего лишь частью великого Целого. Некоторых измерений мы можем достичь только в результате усилий. Они реальны, как реальна подводная часть айсберга, но в обычных условиях воспринять их невозможно. Опять-таки, подобно невидимой части айсберга, скрытая реальность значительно превосходит все самые смелые предположения о ней поверхностного исследователя.

Для того, чтобы объяснить это, Руми использует несколько аналогий. Одной из наиболее замечательных является его теория действия. Он говорит, что существует всесторонняя и индивидуальная деятельность. В обычном мире чувств мы привыкли замечать только индивидуальную деятельность. Предположим, что несколько человек делают палатку. Одни шьют, другие готовят веревки, третьи сплетают их. Все вместе они занимаются всесторонней деятельностью, хотя каждый из них занят своим индивидуальным делом. Если иметь в виду изготовление палатки, то важной следует считать всестороннюю деятельность целой группы. В определенных случаях, продолжает Руми, жизнь следует рассматривать одновременно как целое и как некую отдельную часть. Достижение гармонии с целым, то есть с всесторонней деятельностью жизни, является чрезвычайно важным на пути к озарению.

Постепенно, по мере того как суфий накапливает все больше опыта, он начинает приводить свое мышление в соответствие с этими направлениями. Прежде, до своего мистического опыта, он либо насмеялся над религией, либо имел совершенно неверные представления о природе мистицизма, а особенно об Учителе и Пути. Руми предлагает ему размышления, предназначенные для преодоления слишком сильного влияния некоторых идей, распространенных среди несведущих. Обычно человек ожидает, что ему преподнесут Золотой ключ. Но некоторые люди все же развиваются быстрее остальных. Человек, путешествующий во тьме, все же путешествует. Ученик может обучаться, даже и не подозревая об этом, и тогда отсутствие видимого прогресса будет его угнетать. Руми напоминает ему, что зимой дерево накапливает питательные вещества. Люди могут считать, что оно

бездействует, так как они не видят никаких событий, но весной они вдруг замечают появление почек. Вот сейчас оно работает, думают они. Есть время собирать и время расходовать. Это возвращает нас к учению о том, что «озарение должно приходить постепенно, иначе оно сокрушит нас».

Схоластические приемы, осторожно используемые суфиями, постепенно заменяются эзотерической подготовкой. Это необходимо делать, учитывая способности ученика. Наш учитель напоминает, что инструменты ювелира в руках сапожника подобны семенам, брошенным в песок, и что дать инструменты сапожника крестьянину – все равно что предложить собаке ягоды, а ослу – кость. Отношение к обычным условностям жизни подвергается пересмотру. Внутренняя жажда человека рассматривается не как фрейдистская потребность, а как естественный инструмент, присущий уму и предназначенный для того, чтобы помочь ему обрести истину. Руми учит, что в действительности люди сами не знают того, что они хотят. Их внутренняя жажда проявляется в сотнях желаний, которые они считают своими потребностями. Как показывает опыт, эти желания не отражают того, что им на самом деле хочется, потому что после их осуществления жажда все же остается. Руми отнесся бы к Фрейду как к человеку, одержимому вторичными проявлениями этой великой жажды, а не как к исследователю, установившему ее истинные причины. Опять-таки один и тот же человек может казаться кому-то добрым, а кому-то – злым. Это объясняется тем, что в умах одних людей прочно засела идея неприятия, а в умах других обосновалась концепция добра. «Крючок и рыба неразлучны».

Суфий сперва развивает в себе способность отрешаться, затем способность переживать рассматриваемый предмет, а не только глядеть на него со стороны. Чтобы сделать это, учитель советует ему размышлять над словами Руми: «Когда голодный и сытый смотрят на кусок хлеба, они видят разные вещи». Если человек столь неподготовлен, что на него воздействуют его собственные предубеждения, он не может надеяться на большие успехи. Руми концентрирует внимание на необходимости развития должного контроля, то есть такого контроля, который достигается через опыт, а не через обычные теории добра и зла, правильного и неправильного. Последнее относится к сфере слов: «Сами по себе слова не имеют никакого значения. К вам приходит гость, вы оказываете ему радушный прием и говорите несколько добрых слов. Он счастлив. Другому же человеку вы отпускаете грубое словечко, и он тут же обижается. Могут ли несколько слов действительно означать счастье и печаль? Все это факторы второстепенного значения, не имеющие отношения к реальности. Они воздействуют только на

слабых людей». С помощью упражнений ученик развивает в себе способность по-новому видеть вещи. В любой ситуации он начинает вести себя и реагировать по-другому, не так, как ему было свойственно прежде. Теперь он постигает более глубокий смысл таких, например, советов: «Берегите жемчуг, а не раковину», «Не в каждой раковине можно найти жемчужину», «Гора во много раз больше рубина». То, что кажется обычному человеку почти банальным, пусть даже это прозвучит как прописная истина, вдруг становится полным смысла для суфия, обнаруживающего в скрытых глубинах этой вещи связь с тем, что он называет «иным», – с определяющим фактором, который является предметом его поисков. То, что может показаться обычному человеку камнем, говорит Руми, развивая эту тему, для познавшего является жемчужиной. Теперь Искатель получает проблеск ускользающего духовного опыта. Если он подходит к работе творчески, то сможет достичь стадии, на которой его иногда будет посещать вдохновение, но отнюдь не в любое время. Если он подвержен экстатическим переживаниям, он обнаружит, что радостное, полное смысла ощущение совершенства приходит ненадолго и не подвластно его контролю. Тайна защищает себя: «Размышляй о духовности сколько хочешь – она обойдет тебя, если ты ее недостойн. Пиши о ней, гордись ею, толкуй ее – она не принесет тебе никакой пользы и "улетит" от тебя. Но если духовность увидит твою сосредоточенность, то, подобно прирученной птице, сядет на твою раскрытую ладонь. Разве станет павлин сидеть в неподходящем месте?» Только оказавшись за пределами этой стадии, суфий сможет передать другим кое-что из тайн Пути. Если он попытается сделать это раньше, «птица улетит».

В этом вопросе также необходимо поддерживать тонкое равновесие, иначе все усилия могут оказаться напрасными. Руми отмечает, что сеть, которой является ваш ум, не очень прочна. Ее необходимо приладить так, чтобы она могла удержать добычу. Если сеть порвется, от нее не будет пользы. Сеть может разорваться и от слишком большой любви, и от слишком большого противодействия, «не практикуй ни того, ни другого».

С пробуждением в человеке внутренней жизни начинают работать пять внутренних чувств. Неосязаемая пища, о которой говорит Руми, начинает проявлять свои питательные свойства. Внутренние чувства в некотором смысле напоминают физические, но не больше, «чем медь напоминает золото».

Так как разные люди обладают разными способностями, суфии на этой стадии в некоторых отношениях являются уже развитыми, а в некоторых – нет. Для каких-то внутренних способностей и особых качеств характерно гармоничное и параллельное развитие. При этом человек может быть подвержен перемене настроений, но это не такие изменчивые эмоциональные состояния, которые испытывают неразвитые люди. Настроение в данном случае становится частью реальной личности, а на смену грубости обычных эмоций приходит чередование и взаимодействие эмоций высшего порядка, причем низшие эмоции считаются всего лишь их отражением.

Суфийская концепция мудрости и невежества теперь изменяется. Руми формулирует ее таким образом: «Если бы человек стал совершенно мудрым и полностью избавился бы от невежества, эта мудрость разрушила бы его. Следовательно, невежество похвально, ибо оно обеспечивает непрерывное существование. Чередуясь с мудростью, невежество с ней сотрудничает, подобно тому, как день и ночь дополняют друг друга».

Совместная работа противоположностей – еще один важный вопрос, на котором заостряет внимание суфизм. Когда примиряются внешне противоположные вещи, личность становится не только совершенной, но и выходит за рамки знакомых нам человеческих возможностей.

Приблизительно это состояние можно описать, сказав, что человек становится безмерно могущественным. Что именно это означает и как это происходит, можно узнать только из личного опыта – обычные слова здесь бессильны. Говоря в другом месте о книгах, Руми напоминает нам: «Книга суфиев – это не чернота букв, а белизна чистого сердца». Теперь суфий приобретает особую проницательность, которая отождествляется с развитием безошибочной интуиции. Он начинает настолько чувствовать знание, что способен, например, при чтении книги отличать истину от вымысла, реальный замысел автора от других элементов. Подобная способность представляет угрозу, прежде всего для имитаторов, называющих себя суфиями, так как настоящий суфий видит их насквозь. Чувство равновесия суфия подсказывает ему, в какой степени подражатель может быть полезен для суфизма. Руми затрагивает функцию имитаторства в «Маснави», и это учение неизменно передается суфийскими учителями дальше, когда они обнаруживают, что ученик достиг соответствующей стадии: «Подражатель подобен каналу. Сам он не пьет, но может напоить жаждущего».

По мере продвижения суфия по пути, он все более отчетливо понимает всю огромную сложность и даже опасность этого пути, которая возникает, если

идуший по нему забудет о методах, вырабатывавшихся веками. «Маснави» описывает такую ситуацию с помощью притчи: «Лев проник в хлев, съел быка, которого он там нашел, и остался сидеть на его месте. В хлеву было темно, и хозяин, вошедший туда, начал ощупью искать своего быка. Его руки коснулись тела льва. Лев подумал: "Если бы здесь было светло, он умер бы от страха. Он гладит меня так только потому, что принимает меня за быка"». Если относиться к этому яркому отрывку как к обычному рассказу, можно подумать, что он описывает глупцов, сующихся туда, где опасаются ходить даже ангелы.

Понимание истинного смысла необъяснимых событий в мире является еще одним результатом суфийского развития. Почему, например, определенные фазы мистической подготовки отнимают у одних людей больше времени, чем у других, хотя последние исполняют все предписания более небрежно? Руми иллюстрирует постижение одного из аспектов жизни, который затуманивает всю полноту проявлений действительности и рисует перед нами неверную картину целого. «Двое нищих подошли к дверям дома. Одному сразу же дали кусок хлеба, и он ушел. Другого заставили ждать. Почему? Первый нищий не очень понравился хозяевам и получил кусок черствого хлеба. Второй должен был подождать, пока для него испекут свежий хлеб». Этот рассказ иллюстрирует мысль, которая часто всплывает в суфийском учении: в любом событии присутствует хотя бы один незнакомый нам момент. Тем не менее, мы все же формируем свои суждения на основе несовершенного материала. Неудивительно поэтому, что среди непосвященных развивается и распространяется, подобно сорняку, «зашоренное» видение. В одном из стихов Руми говорит: «Вы принадлежите к миру измерений, но пришли вы оттуда, где нет никаких измерений. Закройте первую лавку, пора открывать вторую». Вся жизнь и творение воспринимаются посвященными в каком-то новом свете – со всеобъемлющим охватом. В «Маснави» говорится, что «мастер скрыт в своей мастерской», скрыт своей работой, которая соткала завесу вокруг него. Мастерская – это царство видения; все, что вне ее, – царство слепоты.

Позиция суфия как человека, обладающего большей проницательностью в делах этого мира и более ясно видящего целое, которое может противоречить частностям, раскрывает потенциал огромного могущества, но воспользоваться этим могуществом он сможет, только если будет находиться в тесной связи с остальным творением: в первую очередь - с другими суфиями, затем – с человечеством и, наконец, со всем сотворенным. Его способности и само его бытие связаны с новым видом отношений. К нему

приходят люди, и он понимает, что даже те, кто пришел поглумиться, вполне возможно, пришли, скорее, научиться чему-нибудь, а не доказывать свое превосходство. В огромном количестве происходящих событий он видит некую разновидность вопросов и ответов. Посещение мудреца он рассматривает как подход – «научи меня». Голод может, по сути, быть вопросом или просьбой – «дайте мне еды». Воздержание от еды может быть ответом, причем – отрицательным. Руми заканчивает этот отрывок словами о том, что ответ глупцу – молчание. Он может передать часть своего мистического опыта определенным людям – отдельным ученикам, которых их прошлый опыт подготовил к такому развитию. Иногда это делается с помощью совместных упражнений по сосредоточению (таджали), применение которых может развиваться в настоящий мистический опыт. Руми говорил своим ученикам: «Сначала озарение приходит к вам от адептов. Это имитация. Но когда оно начинает приходиться часто – это уже постижение Истины». На многих стадиях суфийского развития нередко кажется, что суфий не замечает переживаний других или в каком-либо ином отношении находится в отрыве от общества. Связано это с тем, что он заглянул в истинный смысл ситуации, частично скрытый от остальных внешними ее проявлениями. Он действует самым наилучшим образом, хотя и не всегда может объяснить, почему он сказал или поступил именно так. В «Фихи ма фихи» Джалаледдин иллюстрирует именно такую ситуацию: «Пьяный человек увидел короля, проезжавшего мимо на очень дорогой лошади, и не очень благоприятно отозвался о ней. Король был рассержен и велел привести его к себе. Человек дал такое объяснение: "В это время пьяный стоял на крыше. Я – это не он, так как пьяного здесь нет". Король бы доволен ответом и наградил его». И пьяница, и трезвый человек – это один и тот же суфий. Находясь в контакте с истинной реальностью, он поступал определенным образом, в результате чего получил награду. Он также выполнил определенную задачу, объяснив королю, что люди не всегда могут отвечать за свои поступки. Кроме того, он дал королю возможность совершить доброе дело. Спелый виноград уже не станет незрелым, и человеческую эволюцию невозможно повернуть вспять. Но этот процесс можно направлять, и еще ему могут создавать препятствия люди, не знающие, что такое подлинная интуиция. Так суфийское учение может подвергнуться искажениям, а адептам могут помешать, если они сделаются слишком доступными для профанов. Что же касается проповедования суфийского учения тем, кто лишен его, Руми, как и другие суфийские учителя, готов сделать общее приглашение: «Пока во внутренней лампе драгоценных самоцветов все еще горит огонь, поспеши поправить фитиль и долить масла». Однако Руми

единодушен с учителями, отказывающимися обсуждать учение с каждым праздным вопрошателем: «Отведите лошадей в место, где нет травы, и они подвергнут сомнению ценность этого места, каким бы оно ни было». Суфии выступают против чисто интеллектуальных мыслителей и схоластических философов отчасти потому, что считают их дрессировщиками, навязывающими человеческому уму одержимость и одностороннее мышление, а это вредит не только жертвам такого натаскивания, но и всем остальным. Точно так же суфийское учение резко критикует тех, кто все сводит к интуиции или аскетической подготовке. Руми настаивает на гармоническом равновесии всех способностей человека.

Единство интеллекта и интуиции, приводящее к просветлению и развитию человека – что и является целью суфия, – основывается на любви, только на любви. Тема любви всплывает снова и снова в произведениях Руми, и выразить ее лучше, чем это сделал он своим творчеством, может только живая атмосфера настоящей суфийской школы. Интеллектуализм имеет дело с осязаемыми вещами, а суфизм – и с внутренними, и с теми, которые поддаются восприятию. В то время как наука и схоластическое мышление постоянно сужают свои рамки в стремлении заниматься все более узкими областями изучения, суфизм продолжает охватывать любое свидетельство великой, лежащей в основе всего Истины, где бы он ни находил ее. Эта способность к ассимиляции и использованию символов, рассказов и мышления, выделенных из тайного суфийского потока, способствовала немалому ажиотажу в среде сторонних комментаторов (даже на Востоке), дав им повод для развлечений. Источник какого-то рассказа они отследили в Индии, происхождение некой идеи вывели из Греции, а то или иное упражнение, как оказалось, было позаимствовано у шаманов. Предвкушая неземное удовольствие, они положили эти «открытия» на свои письменные столы, чтобы оснаститься ими для праведной борьбы, в которой будут оппонировать, разумеется, только друг другу и никому больше. Прочитав «Маснави» и «Фихи ма фихи», можно ощутить ни с чем не сравнимую обстановку суфийской школы, но многие поверхностные люди считают, что эти произведения только запутывают человека, являются хаотичными и слишком вольно написанными. Следует отметить, что эти книги могут считаться руководствами не в полной мере, так как их необходимо использовать в неразрывной связи с живым суфийским учением и практикой – работой, мышлением, жизнью и искусством. Даже комментатор, признавший, что суфийская атмосфера создается умышленно (а не наобум), и повторивший в печати отчет суфия на эту тему, при личном общении

обнаружил свое полное замешательство в отношении всего вопроса. Следует еще добавить, что сам он считал себя суфием, не принадлежащим ни к одному из путей. Под влиянием таких людей сейчас, в период большого оживления, изучение суфизма на Западе стало немного более суфийским, хотя в этом плане предстоит сделать еще очень много. Одной из последних причуд Запада стал «суфий-интеллектуал». Суфизм, конечно, располагает собственной технической терминологией, и стихи Руми изобилуют как знакомыми, так и особыми вариантами первоначальных посвячительных терминов. Например, в своей третьей большой книге «Диван Шамса Табризи» он описывает некоторые концепции мышления и деятельности, которые проецируются в сознание участников тайных встреч дервишей. Изложенное в экстатических стихах учение о бытии суфия в «мысли и действии» передается способом, специально изобретенным для его передачи: «Присоединись к братству, стань подобен им – почувствуешь радость реальной жизни. Пройдись по разрушенной улице и посмотри на смятенных [владельцев «развалин»]. Выпей чашу чувств, чтобы не чувствовать стыда [самосознания]. Закрой оба глаза, чтобы научиться видеть внутренним зрением. Раскрой душу, если ищешь объятий. Разбей земного идола, чтобы узреть лица идолов. Зачем ради большого приданого жениться на старухе – за три лепешки в рабство себя продавать зачем?

Друг вернется к ночи; не бери в рот ни еды ни питья – и ты вкусишь пищу рта. Кружись в компании доброго Кравчего – войди в Круг. Долго ли ты будешь кружиться [вокруг этого]? Тебе предлагают – забудь об этой жизни, положишься на доброту Пастыря... Останови все свои мысли, кроме одной – о создателе мысли. Думать о «жизни» лучше, чем думать о хлебе. Почему ты спишь в тюрьме, когда вокруг простор божьей земли? Отбрось спутанные мысли – увидишь скрытый ответ. Молчи – и овладеешь языком бессмертия. Забудь о "жизни" и "мире" – увидишь Жизнь Мира». Хотя реальное бытие суфия не может быть проанализировано исходя из более ограниченных критериев логического мышления, эту поэму можно считать собранием характерных молчаливых элементов метода Руми. Он утверждает действительное существование общества, посвятившего себя Реальности, по отношению к которой видимая реальность является только бледной копией. Это знание приходит благодаря контактам с другими, сопричастности деятельности и мышлению общинного и индивидуального характера. Истинно фундаментальное достигается только после того, как определенные способы мышления направлены в конструктивное русло. Искатель должен «распахнуть душу» навстречу объятию, а не пассивно ожидать, пока ему что-

нибудь дадут. «Старуха» – это вся совокупность переживаний этого мира, являющихся только отражением высшей реальности, которая не может сравниться с тем, что кажется нам истиной. Люди продают свои потенциальные возможности за «три лепешки» обычной жизни.

Друг придет к ночи – когда все успокоится, и автоматическое мышление не будет возбуждать человека. Еда, являющаяся особой пищей суфия, отличается от обычной еды и обеспечивает человеческое существо особым питанием. Человечество кружится вокруг реальности по системе, которую никак нельзя назвать реальной. Вместо того чтобы ходить по периметру этого круга, необходимо вступить вовнутрь его. Истинная осознанность находится в таком же отношении к тому, что мы считаем осознанностью, как сто жизней – к одной. Определенные черты знакомой нам жизни, такие, как хищничество, эгоизм и многие другие качества, препятствующие развитию, необходимо уравновесить доброкачественными элементами.

Мышление, не обусловленное шаблоном, и есть нужный метод. Необходимо размышлять о всей жизни в целом, а не только о ее частных аспектах. Человек напоминает собой того, кто мог бы обойти всю землю, но вместо этого заснул в тюрьме. Истину скрывают сложности неуместного интеллектуализма. Молчание – это подготовка к речи – реальной речи. Внутреннюю жизнь мира можно постигнуть, если не уделять внимания фрагментарности, которая скрывается за понятиями «жизнь» и «мир».

После смерти Руми, в 1273 г., главой Ордена Мевлеви стал сын его, Бахауддин. При жизни Руми окружали люди всех вероисповеданий, и в последний путь его тоже пришли проводить люди самого разного толка.

Одного христианина спросили, почему он так горько рыдает на похоронах мусульманского учителя. Его ответ является выражением суфийской идеи о возвращении учения и передаче духовной деятельности: «Мы почитаем его как Моисея, Давида и Иисуса нашего времени. Все мы его последователи и ученики».

Жизнь Руми представляет собой сочетание передаваемого учения и личного знания, являющегося центральным фактором суфизма. Его род происходил от Абу Бакра, сотоварища Мухаммада, а его отец был связан родством с Хорезмшахами. Джалаледдин Руми родился в центре древнего учения Балхе в 1207 г. В суфийской легенде говорится, что суфийские мистики предсказали ему большое будущее. Под влиянием могущественных схоластов владыка Балха ополчился против суфиев, и особенно против

своего родственника, отца Руми. По приказу шаха один из суфийских учителей был даже утоплен в Аму-Дарье. Эти события послужили предзнаменованием монгольского нашествия, во время которого на поле боя пал глава суфиев Наджмуддин (Величайший). Он был основателем Ордена Кубрави, оказавшего большое влияние на развитие Руми.

Разорение Центральной Азии ордами Чингисхана привело к распылению туркестанских суфиев. Вместе со своим маленьким сыном отец Руми прибыл в Нишапур, где они встретили другого великого учителя, принадлежавшего к тому же суфийскому потоку, поэта Аттара, который благословил ребенка и «одухотворил» его, передав Джалаледдину суфийскую бараку. Он подарил мальчику копию своей «Асрар-наме» («Книга тайн»), написанной в стихах. Суфийская традиция считает, что поскольку современные ему суфийские учителя были убеждены в высоком духовном потенциале юного Руми, их забота о его безопасности и развитии послужила причиной дальнейших странствий группы беженцев. Они покидали Нишапур, провожаемые пророческими словами Аттара: «Этот мальчик зажжет для мира огонь божественного восторга». Нишапуру не суждено было уцелеть. Аттар, подобно Наджмуддину, ждал своей участи мученика, которая постигла его вскоре после этого. Суфийская группа во главе со своим еще только расправлявшим крылья королем прибыла в Багдад, где стало известно о полном разгроме и разрушении Балха и уничтожении его жителей. Они путешествовали еще несколько лет, совершив за это время паломничество в Мекку, а затем отправились на север, в Сирию и Малую Азию, посещая по дороге суфийские центры.

Центральная Азия содрогалась под безжалостными ударами монголов. Казалось, что мусульманская цивилизация доживает последние дни своей почти шестисотлетней истории. В конце концов семья Руми остановилась поблизости от Кони, связанной с именем св. Павла. В то время город находился под властью сельджуков, и шах пригласил отца Джалаледдина обосноваться в нем. Тот принял официальный религиозный пост и продолжал посвящать сына в суфийские тайны.

Кроме того, Джалаледдин вступил в контакт с величайшим мастером, поэтом и учителем Ибн аль-Араби из Испании, который примерно в это же время находился в Багдаде. Эта связь была установлена с помощью одного из учителей Руми, Бурхануддина, прибывшего в сельджукские владения вскоре после смерти отца Руми. Став Джалаледдину учителем, Бурхануддин вместе с ним посетил Дамаск и Алеппо. Руми было около 40 лет, когда он начал

полуоткрыто распространять свое мистическое учение (он избрал слово Руми в качестве псевдонима, так как сумма числовых эквивалентов букв этого слова равняется 256, что соответствует корню НУР. По-персидски и по-арабски этот корень передает значение «свет»). Таинственный дервиш, как его называли «Солнце веры из Табриза», был вдохновителем множества его прекрасных стихов, а также тех методов и форм, в которых его учению предстояло жить в Ордене Мевлеви. Сделав свое дело, этот дервиш исчез через три года, и больше о нем уже никто ничего не слыхал. Сын Руми считал этого «посланца неведомого мира» самым Хызром, таинственным патроном и руководителем суфиев, который появляется, а затем исчезает из рамок обычных восприятий, передав свое послание.

Руми стал поэтом именно в этот период. Хотя его и считают одним из величайших персидских поэтов, поэзия для него была только побочным продуктом. Он считал ее не более чем отражением Истины – той необъятной внутренней реальности, которую он называет «любовью». Он писал, что истинная любовь молчалива, ее невозможно выразить словами. Несмотря на то, что его поэзия была призвана воздействовать на людей тем способом, который можно назвать только магическим, сам Руми никогда не позволял себе быть сбитым ею с толку и отождествлять ее с гораздо более великой сущностью, слабым отражением которой она являлась. Вместе с тем он считал ее средством, с помощью которого можно было связать то, что он «реально чувствовал», с тем, что он мог сделать для других.

Применяя суфийский метод перспективного видения проблемы и не останавливаясь при этом перед разрушением глубоко укоренившихся мнений, Руми берет на себя роль критика поэзии. Он говорит, что люди приходят к нему, и он любит их. Чтобы наделить их чем-то, что приведет их к пониманию, он дает им стихи. Каким бы великим поэтом он ни был, поэзия предназначена для них, а не для него. «В конце концов, какое мне дело до стихов?» Для того, чтобы довести до сознания людей свое послание, он категорически заявляет, что когда он думает об истинной реальности, у него не остается времени для поэзии. Это осмелился бы сказать только великий поэт, пользующийся высочайшим признанием у своих современников. Он говорит, что поэзия – единственная пища, к которой его гости согласятся притронуться, «и потому он, как добрый хозяин, потчует их этими яствами». Суфии никогда не должны мириться с существованием каких бы то ни было преград между своими учениками и тем, чему они их учат. Отсюда слова Руми о подчиненной роли поэзии по отношению к реальному поиску. То, что он хотел передать, было за пределами поэзии. Подобная точка зрения может

шокировать людей, привыкших считать, что нет ничего более тонкого, чем поэтическое выражение. Но именно на такое воздействие и рассчитаны подобные заявления, потому что только так можно освободить ум от привязанностей ко второстепенным вещам, «идолам».

Унаследовав место отца, Руми стал передавать свое мистическое учение с помощью искусства. На собраниях дервишей использовались танцы, стихи и музыка. С ними чередовались ментальные и физические упражнения, предназначенные для того, чтобы помочь разуму осознать свои собственные потенциальные возможности, и использующие для этого идею гармонии. Деятельность Руми по сути можно назвать гармоническим развитием с помощью гармонии. Изучая те из его идей, которые стали им доступны из посторонних источников, многие иностранные наблюдатели были поставлены в тупик. Один из них ссылается на «совершенно не восточную идею о том, что женщина является не какой-то игрушкой, а лучом божества».

Одно из стихотворений Руми из «Дивана Шамса Табризи» вызвало определенное замешательство среди буквалистов. В нем содержится мысль о том, что Руми исследовал все старые и новые формы религии и пришел к выводу, что истину следует искать в сознании самого человека, а не в деятельности поверхностных организаций. Это станет особенно ясно, если мы поймем, что «исследование» этих религий, как считают суфии, осуществляется особым образом. Суфию необязательно в буквальном смысле слова путешествовать по разным странам для того, чтобы изучать различные религии и брать от них то, что можно. Точно так же ему не надо читать книги по теологии и изучать различные толкования, сравнивая их друг с другом. «Путешествия» и «исследования» других идей происходят в нем самом. Объясняется это убеждением суфия в том, что, подобно человеку, искушенному в том или ином деле, он обладает внутренним чувством, которое служит ему мерилom для оценки истинности религиозных систем. Выражаясь более специфично, можно сказать, что подойти к метафизическому объекту с помощью обычных методов исследования было бы немислимо сложно. Любой, кто скажет суфию: «Читал ли ты книгу такого-то по такому-то вопросу?», – подойдет к проблеме неверно. Суфию важна не книга и не автор, а реальность того, о чем говорит человек или пишется в книге. Для того, чтобы оценить человека или его учение, суфию необходимо только снять пробу с образца, но образец этот должен быть точным. Другими словами, этот образец должен находиться в тесной связи с сущностным фактором, лежащим в основе исследуемого учения. Например,

ученик, еще не полностью постигший систему, которой он следует, не смог бы передать суфию достаточно данных о ней, чтобы тот смог ее оценить.

В строках приводимого ниже стихотворения Руми говорит об установлении связи с различными религиями и о своем отношении к ним:

«Я исследовал Крест и христиан от начала и до конца. Его не было на Кресте. Я отправился в индуистский храм и в древнюю пагоду, но и там не было следов его. Я взобрался на горные возвышенности Герата и Кандагара. Я искал. Не было его ни в горах, ни в низовьях. Решившись, я взошел на гору Каф, но и там я нашел только обиталище птицы Анка. Я отправился в Каабу. Его не было там. Я спросил о нем Ибн Сину, но тот, кого я искал, не вмещался в философию Авиценны... Тогда я заглянул в свое сердце. Там я увидел его, нигде больше его не было...»

Слово «он» (которое в оригинале можно понимать как он, она или оно) означает истинную реальность. Суфий вечен, и то, что он использует такие слова, как «опьянение», «виноград» или «сердце», является необходимым, но настолько приблизительным, что выглядит пародией. Вот как Руми использует эти слова: «Прежде, чем в этом мире появился сад, виноградная лоза и виноград, наши души уже были пьяны от бессмертного вина».

На ранней стадии передачи [знания] суфию иногда приходится использовать аналоги вещам этого мира, и Руми очень строго следует стандартной суфийской формуле. Но чтобы научиться ходить самостоятельно, больной должен отбросить костыли. Способ подачи материала в произведениях Руми обладает особой ценностью для Искателя, потому что вышеупомянутый принцип там выражен значительно яснее, чем в большинстве работ, доступных вне суфийских школ. Если некоторые поверхностные ордена сделали обычаем приучение своих последователей к повторяющимся стимулам, топтанию на одной и той же стадии развития и привычке пользоваться «костылями», то вины Джалаледдина Руми в том нет.